

Автономная некоммерческая организация
по поддержке научно-исследовательской
и просветительской деятельности
«Спутник науки»

СПУТНИК ISSN 2782-5647
ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ

межвузовский научный журнал

№ 1 (12) | 2023

♦ ♦ ♦

выпуск

**Социальные
и гуманитарные
науки**

Social Sciences and Arts

.....
Москва — Санкт-Петербург — Ростов-на-Дону — Сочи
.....

УСЛОВНАЯ ИНДЕКСАЦИЯ АВТОРОВ ПО СТАТУСУ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ АКТИВНОСТИ

молодой ученый, занимающийся разработкой отдельных аспектов какой-либо научной проблемы под руководством наставника или самостоятельно, имеет опыт исследовательской деятельности на уровне вуза, участвует в региональных научных конференциях;

представитель отдельного научного направления (научной школы), имеет ученую степень (звание), систематически участвует в межрегиональных научных форумах, располагает собственными (или в соавторстве) публикациями по исследуемой проблематике;

независимый исследователь или исследователь-практик, совмещающий научную и/или педагогическую деятельность с работой по основной профессии; располагает собственными (или в соавторстве) публикациями по исследуемой проблематике;

лидер региональной научной школы; развивает собственное научное направление; является признанным авторитетом в научном сообществе; располагает значительным количеством публикаций по исследуемой проблематике.

Редакция журнала «Спутник высшей школы» ведет прием авторских материалов в выпуски «Прикладная и фундаментальная экономика», «Современное право: проблемы и тенденции», «Социальные и гуманитарные науки», «Современный конституционализм: теория и практика», «Актуальные проблемы филологии, лингвистики, межкультурной коммуникации и массмедиа». Максимальный срок рассмотрения авторских текстовых оригиналов — 30 календарных дней. Статьи, не требующие глубокой редакторской обработки, проходят рецензирование и в случае позитивной оценки рецензентов размещаются на бесплатной основе.

Редакционный совет

БОЙКО Александр Иванович,
заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин
Южно-Российского института управления — филиала
Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации (ЮРИУ РАНХиГС),
доктор юридических наук, профессор (сопредседатель редакционного совета)

•••

БОНДАРЬ Николай Семенович,
судья Конституционного Суда РФ (2000–2020), главный научный сотрудник
Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ,
заведующий кафедрой муниципального права и природоохранного законодательства
Южного федерального университета, доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ, заслуженный юрист РФ
(сопредседатель редакционного совета)

•••

АНТИПОВА Елена Павловна,
доцент кафедры административного и финансового права Сочинского филиала
Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России),
кандидат юридических наук

•••

АРЕФИНКИНА Екатерина Геральдовна,
заведующая кафедрой уголовного права и процесса Сочинского института (филиала)
Российского университета дружбы народов, кандидат юридических наук

•••

ГУНИНА Елена Николаевна,
доцент кафедры управления развитием пространственно-экономических систем
Южного федерального университета, кандидат экономических наук

•••

ИОНОВА Зинаида Николаевна,
доцент кафедры теории и истории государства и права
Санкт-Петербургской юридической академии, кандидат исторических наук

•••

ЛАЗАРЕВ Владимир Александрович,
профессор кафедры перевода и информационных технологий в лингвистике
Южного федерального университета, доктор филологических наук

•••

МАЛИНЕНКО Эльвира Владимировна,
доцент кафедры конституционного и муниципального права
Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации (ЮРИУ РАНХиГС),
кандидат юридических наук, доцент

•••

МЕДВЕДСКАЯ Татьяна Константиновна,
доцент кафедры «Бухгалтерский учет, анализ и аудит»
Донского государственного технического университета, кандидат экономических наук

•••

НИКОЛАЕВ Сергей Георгиевич,
заведующий кафедрой английской филологии Южного федерального университета,
доктор филологических наук, профессор

•••

РАТЬКОВ Александр Николаевич,
доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Сочинского филиала
Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России),
кандидат юридических наук, доцент

•••

СМЕЮХА Виктория Вячеславовна,
профессор кафедры теории и практики массовой коммуникации
Южного федерального университета, доктор филологических наук, доцент.

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

ПРАВОВЕДЕНИЕ

- Орлова А. С. Научный руководитель: Болденко О. А.**
Культурный аспект современной правотворческой политики 6
- Белавкина П. А. Научный руководитель: Ратъков А. Н.**
Актуальные проблемы правоприменения в российском законодательстве 14
- Коростова М. Д. Научный руководитель: Ратъков А. Н.**
Дознание в Российской Федерации и зарубежных странах:
сравнительно-правовой анализ 20
- Ивашкина О. А.** Соотношение позиций России
и Международного уголовного суда в свете имплементации
Римского статута 28
- Гаджиев Х. И.** Право на справедливое судебное разбирательство
и практика Европейского суда по правам человека 32

ЛИНГВИСТИКА, ФИЛОЛОГИЯ, ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

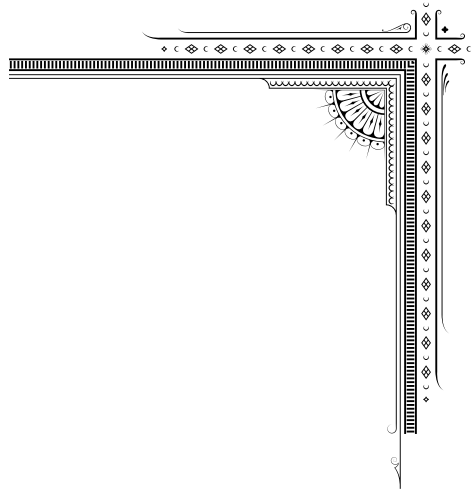
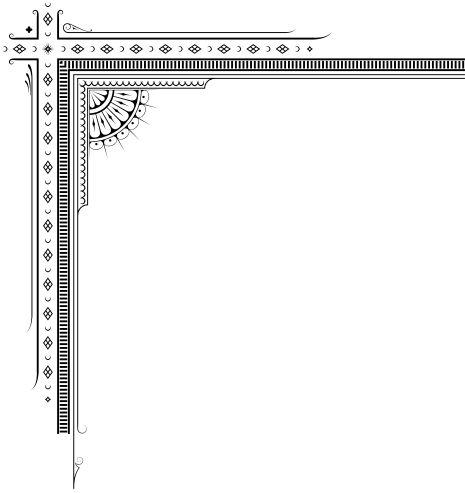
- Березуцкая К. А. Научный руководитель: Джумайло О. А.**
Предметный мир как репрезентация утраты
в романе Али Смит «Отель Мир» (2001) 40
- Николаев С. Г., Ведерникова В. Д.** Прагмалингвистический
потенциал билингвем в поэтическом тексте («Leaves of Grass» У. Уитмена
и «Листья травы» в переложении К. И. Чуковского) 48
- Шнейдер А. А.** К вопросу о трудностях перевода английского юмора 59

В МИРЕ ВУЗОВСКОЙ НАУКИ

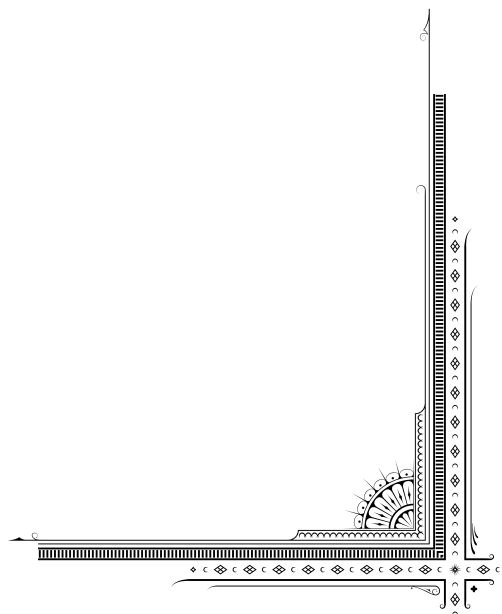
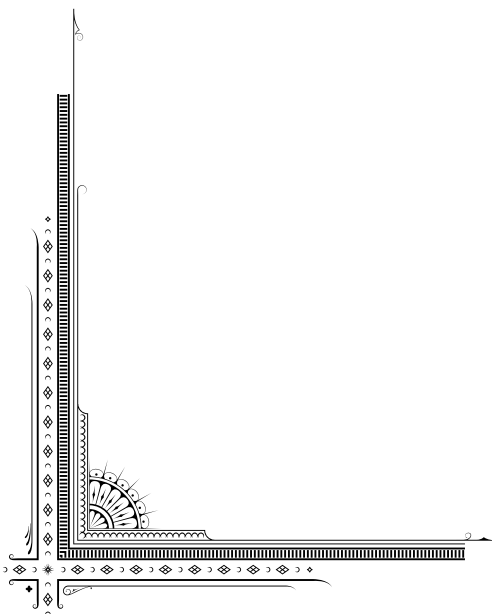

- Студенческий конкурс к столетию учреждения Верховного Суда РФ 63

Секція
«ПРАВОВЕДЕНИЕ»

УДК 340.131.3

DOI 10.55346/27825647_2023_1_6

Орлова А.С.

*студентка 3 курса юридического факультета магистратуры,
Сочинский филиал Всероссийского государственного
университета юстиции (РПА Минюста), г. Сочи, Россия*

© 2023

*Дата приема:
01.01.2023*

Научный руководитель: Болденко О.А.

*кандидат педагогических наук, доцент кафедры
юридических и социально-экономических дисциплин,
Сочинский филиал Всероссийского государственного
университета юстиции (РПА Минюста), г. Сочи, Россия*

КУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ СОВРЕМЕННОЙ ПРАВотВОРЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

В статье рассматриваются актуальные аспекты правотворческой политики. Правотворческая политика есть воплощение требований культуры правотворчества в практической плоскости. Уровень культуры правотворчества становится выше, когда надлежащим образом осуществляется правотворческая политика, так как сама правотворческая политика формируется на базе определенных культурных ориентиров (представлений), свойственных обществу данной страны.

Ключевые слова: *правотворчество; государство; правотворческая политика; правоприменение; правотворческая культура.*

Правотворческая политика является своего рода деятельностью государственных органов, определяющей конкретные и необходимые меры для повышения и активного развития культуры правотворческого процесса.

Состояние правотворческой культуры выступает важнейшим показателем развития любого государства, подчеркивает его зрелость. Одни исследователи относят это понятие к сфере духовного, другие акцентируют внимание на материальных, объективированных проявлениях правотворческой культуры. Но при рассмотрении этой категории под любым углом его фундаментом, безусловно, остается право.

Правовые акты оказывают влияние как на социум в целом, так и на жизнь каждого индивида, опосредуют взаимоотношения юридических и физических лиц со структурами власти, конкретизируют и очерчивают границы их взаимодействия.

Культурный аспект правотворческой политики, несомненно, характеризует степень развитости государственного аппарата управления. Культура — очевид-

но — это неотъемлемая компонента профессионального облика государственного служащего, каждый из которых в определенном смысле представляет собой элемент правотворческого процесса [1]. Правотворческая политика, как и политика в области культуры тесно связаны с уровнем образования общества и образованностью в целом, поскольку эти факторы во многом определяют перспективы культурного развития государства и его социума. Здоровое гражданское общество с твердой жизненной позицией и правовое государство невозможно выстроить без знания законов и уважительного отношения к ним, без наличия у граждан осознанного чувства национального долга, патриотизма, без опоры на культурные традиции своего народа, своей страны.

Российское общество сегодня переживает глубокий духовный и нравственный кризис, выступающий следствием того сложного исторического периода, свидетелем которого все мы являемся. В настоящее время усилия государства направлены на реализацию специальной военной операции, проходящей на территории Донбасса, цели которой понятны и конкретны — демилитаризация и денацификация соседнего государства, а также предание справедливому суду тех, кто совершил многочисленные преступления против мирных жителей, в том числе граждан Российской Федерации.

Кризисные явления в общественном сознании связаны с тем, что часть граждан не приняла сложившейся ситуации, постаравшись или дистанцироваться от обсуждения текущей повестки дня, или осудить последствия развернувшихся у границ России событий. Это говорит о том, что отчасти общество оказалось не готово к смене акцентов в повседневной жизни, в том числе и в плане культуры — правовой культуры, культуры рационального мышления.

В данный момент мы наблюдаем формирование новой правотворческой культурной модели на всех уровнях социальной системы — от личности и социальных групп до государства в целом. Безусловно, Россия — страна с богатой историей и колоссальным культурным наследием; ее система ценностных ориентиров базируется на общечеловеческих началах, выступая своеобразной мерой приемлемости социального поведения. Отражаясь в правовых нормах, ценностные универсалии меняют свой облик, оказывая влияние не только на правовое регулирование, но и на непосредственную реализацию права. Не случайно воздействие системы ценностей на развитие и формирование правотворческой культуры в нынешних условиях стало весьма актуальным предметом для изучения именно в контексте юриспруденции. Главной задачей российской юридической политики в этой связи является «правовое обеспечение реформ, проводимых в Российской Федерации, демократизация общественной жизни, стабильности и правопорядка в стране» [1, с. 470].

Отметим: развитие правотворческой культуры и институтов права имеет важнейшее значение с точки зрения повышения эффективности проводимой государством правовой политики, а также для успешного взаимодействия государства и общества. Правовая политика и стандарты правотворческой культуры должны быть понятны не только специализированным органам государственной власти, но и в первую очередь гражданам. Как показывает жизненная практика, рядовой обыватель чаще и больше страдает от непонимания закона и вдвойне — от незна-

ния правовых норм. Однако в настоящее время культура правосознания и правотворческой политики в Российской Федерации выходит на новый уровень.

Весьма важной проблемой современности считается поиск баланса между уровнем культуры правотворчества и состоянием правотворческой политики, определение их взаимосвязи и природы. Для уяснения содержания категории «правотворческая политика» с учетом полноценного раскрытия в ней культурного аспекта необходимо осветить трактовку этого понятия с правоведческих позиций.

Так, А. П. Мазуренко под правотворческой политикой понимает «особое явление политико-правовой действительности государственных органов и негосударственных структур, направленной на определение стратегии и тактики правотворчества, осуществляемой на различных уровнях правового регулирования в целях обеспечения необходимых условий для создания непротиворечивой и целостной системы права» [3]. А по мнению А. В. Малько и В. В. Трофимовой, правотворческая политика — это «научно обоснованная, последовательная и системная деятельность государственных и негосударственных структур, направленная на определение стратегии и тактики правотворчества, связанная с разработкой и принятием качественных и эффективных правовых решений, обеспечивающих стабильное и, вместе с тем, прогрессивное развитие государства и общества» [4].

Очевидно, что правотворческую политику невозможно уместить в рамки какого-то конкретного понятия, потому что она подразумевает под собой многоплановую деятельность государственных и негосударственных органов; масштабную, многогранную работу в условиях динамично изменяющейся среды — политической, экономической, культурной. Однако можно постараться раскрыть уровни содержания этой деятельности, описать спектр задач, которыми занимаются научные деятели, определяя стратегию и тактику правотворческой политики.

Говоря о культурном аспекте современной правотворческой политики, следует соотнести ее с культурой правотворчества. В теории под культурой правотворчества принято понимать синтез правовой культуры и собственно правотворчества, где правовая культура — собирательное понятие, характеризующее представления граждан о праве, правовых нормах, законах и их реализации, о правоприменительной деятельности в целом, знание специфики различных нормативных правовых актов.

В научной литературе мы встречаем, к примеру, такое толкование правовой культуры: «это система овеществленных и идеальных элементов, относящихся к сфере действия права, их отражение в сознании и поведении людей» [5]. Иное видение предлагает А. С. Бондарев, детально анализирующий в своих работах категорию правовой культуры: «Правовая культура <...> не представляет собой ту или иную сумму правовых ценностей или их характеристику. Правовая культура есть правовое свойство субъекта права. Она есть степень их правовой развитости, правового совершенства, уровень их способностей качественно творить и эффективно использовать необходимые правовые средства для достижения своих правомерных целей» [6]. Получается, что правовая культура — часть правотворческой культуры, которая отражает в себе правовые ценности и нормы общества.

Обобщая подходы правоведов, можно сделать вывод о том, что правовую культуру, как правило, предпочитают рассматривать в двух версиях — в широком и узком смысле этого понятия:

— в узком смысле под правовой культурой понимают сложную систему взаимоотношений между людьми (гражданами) и государственными или негосударственными структурами в результате длительного взаимодействия;

— в широком смысле — это юридический опыт, накопленный за весь период исторического развития государства.

На современном этапе правовая культура требует от каждого члена демократического общества соблюдения норм морали, уважения права других людей на собственную гражданскую позицию, честность и справедливость во взаимоотношениях с окружающими. В целом правовая культура является важнейшей составляющей концепции правового государства, стимулом к воспитанию в гражданах чувства взаимного уважения, а также стремления поступать в соответствии с требованиями закона. Безусловно, правовая культура включает в себя также культуру личности, социальную культуру и культуру отдельных групп (страт) общества.

Правовое воспитание личности предполагает выработку способности индивида понимать и применять положения законодательства, использовать в повседневной жизни нормы права для собственной защиты, дает возможность гражданину регулировать свое поведение в рамках правового поля.

Почему именно сейчас актуализировался вопрос оценки места и роли культурного начала в правотворческой политике? Причина в том, что в период наивысшего напряжения — в моменты политических, экономических и социальных потрясений — обостряются все скрытые «болезни» общественного сознания. Для купирования обозначившихся проблем необходимы:

1. Досконально разработанная и последовательно проводимая в жизнь правотворческая политика, ориентированная на минимизацию ошибок при формировании законодательной базы.

2. Улучшение качества правотворческого процесса и формирование эффективной нормативно-правовой базы как итога комплексной правотворческой деятельности (нормы права должны выступать правовым регулятором, соответствующим современному уровню развития общества и актуальным юридическим практикам, включая требования к определенному уровню организации культуры правотворческого процесса).

3. Строгая регламентация правотворческого процесса, которая включает в себя учет стандартов правотворческой культуры и грамотную правотворческую политику — целесообразную и понятную с точки зрения основополагающих принципов. Конечно, культура и политика — явления различные по своей природе, однако сфера их реализации — общество — позволяет рассматривать их во взаимосвязи, сопрягать их цели в конкретно-историческом контексте.

4. Идеальная основа принимаемых законодательных актов (она должна быть транспарентна, понятна и одобряема гражданским обществом, вектор правового регулирования должен соответствовать тренду развития страны, при этом «цель законопроекта необходимо четко выразить в его концепции» [7], четко определить цели и средства их достижения).

В качестве примера можно привести разработку Минэкономразвития России ряда системообразующих документов стратегического планирования, таких как Стратегия социально-экономического развития РФ, Стратегический прогноз,

Основные направления деятельности Правительства Российской Федерации и др. Данные документы готовятся с учетом национальных целей развития Российской Федерации, определенных Указом Президента РФ от 21.07.2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года», а также инструментов и механизмов достижения национальных целей развития на среднесрочный период формируются концептуальные подходы к разработке Стратегии социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2050 года (Стратегия — 2050). Помимо этого, в сфере ответственности Минэкономразвития России входит методическое обеспечение разработки и мониторинга ряда документов стратегического планирования, таких как планы деятельности федеральных органов исполнительной власти. В пакет документов, регламентирующих стратегическое планирование, в частности, входят:

— Стратегия пространственного развития РФ на период до 2025 (утверждена распоряжением Правительства РФ № 207-р от 13.02.2019);

— Стратегия экономической безопасности РФ на период до 2030 (утверждена Указом Президента РФ 13.05.2017 № 208);

— Прогноз социально-экономического развития РФ на период до 2036 (одобрен на заседании Правительства РФ 22.11.2018);

— Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на 2022 год и на плановый 2023 и 2024 годов (одобрен на заседании Правительства РФ 21.09.2021);

— Основы государственной политики регионального развития РФ на период до 2025 (утверждены Указом Президента РФ 16.01.2017 № 13);

— Основные направления деятельности Правительства РФ на период до 2024 (утверждены Председателем Правительства РФ 29.09.2018);

— Стратегия научно-технологического развития РФ (утверждена Указом Президента РФ 01.12.2016 № 642);

— Стратегия национальной безопасности РФ (разработчик СБ РФ, утверждена Указом Президента РФ 02.07.2021 № 400);

— Единый план по достижению национальных целей развития Российской Федерации на период до 2024 года и на плановый период до 2030 года (утвержден распоряжением Правительства РФ от 01.10.2021 № 2765-р).

Правотворческая политика в условиях современной России объективно является ключевым фактором для обеспечения устойчивого политического, социально-экономического развития, она затрагивает вопросы национальной безопасности Российской Федерации и, что немаловажно, сферу патриотического воспитания.

В период проведения специальной операции на Украине особое внимание уделяется ряду аспектов, определяющихся приоритетами государственной политики в области культуры, — единству всех гражданских институтов перед лицом внешнеполитических вызовов, необходимости осознания своей ответственности за будущие поколения своих сограждан, воспитания любви к Родине, уважения военной истории и героики своей страны. Причем разработки соответствующих патриотически ориентированных программ на долгосрочную перспективу признаются сегодня залогом надежного обеспечения национальной безопасности страны, ее суверенитета.

В этом контексте патриотизм выступает как отдельное направление культурного и социального поведения граждан, осознание индивидом своего долга как гражданина, понимания всей меры личной ответственности перед обществом за вклад в защиту своего Отечества от внешних угроз.

Необходимость развития патриотического начала декларируется во многих нормативных правовых актах, программных документах различного уровня, приоритетных государственных проектах. Стоит признать, что российское общество привыкло жить в относительно спокойной обстановке, при отсутствии экзистенциальной опасности. Разумеется, в таких условиях личные потребности и интересы выходят на первый план, вытесняя общественные приоритеты; понятия «Родина», «долг», «мужество» становятся скорее абстрактными концептами. С юридической точки зрения в настоящее время Россия не находится в состоянии войны, хотя специальная военная операция, очевидно, является формой ведения боевых действий. Состояние войны объявляется специальными федеральными законами и вводится в случае вооруженного нападения на РФ со стороны другого государства (ч. 1 ст. 18 ФЗ от 31 мая 1996 № 61 ФЗ «Об обороне»).

Как было отмечено выше, российскому обществу на данном этапе необходимы кардинальные изменения в менталитете, принятие активных мер, в том числе, в законодательной плоскости. Необходимо более интенсивно развивать патриотическое воспитание, укреплять национальное самосознание, особенно по результатам проведения кампании частичной мобилизации (вызвавшей сильнейший резонанс в обществе), до которой большинство россиян не воспринимали происходящее на Украине как то, что касается их повседневной жизни напрямую. Эта ситуация проявила все недоработки в вопросах воспитания правовой культуры и послужила стимулом для начала полноценного реформирования правотворческой политики с учетом акцентуации патриотических и морально-нравственных принципов.

Эффективный механизм правового регулирования предполагает использование всего арсенала юридических инструментов для достижения таких целей, как наиболее полное обеспечение прав и свобод человека и гражданина, укрепление правопорядка и законности, формирование высокого уровня правовой культуры на всех уровнях государственного механизма и общества.

По некоторым данным, частичную мобилизацию поддержала большая часть населения страны — очевидно, однако, что единодушия в этом вопросе не наблюдалось (часть граждан приняла решение покинуть родину). 20 сентября 2022 года в Государственную Думу РФ был внесен законопроект о поправках в Уголовный кодекс об ужесточении наказания за уклонение от мобилизации и новых составах преступлений периода военных конфликтов, который депутаты приняли в тот же день во втором и третьем чтении. Кроме того, в стране сейчас действует Закон № 31-ФЗ «О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации», который регламентирует правила поведения военнообязанных во время мобилизации. Так, с момента объявления мобилизации все граждане, которые состоят на воинском учете, не должны покидать место жительства без разрешения военных комиссариатов или органов исполнительной власти (ст. 21 Закона о мобилизационной подготовке). Генпрокуратура РФ внесла поправки в Уголовный кодекс РФ, пред-

полагающие ужесточение наказания за действия, подрывающие безопасность Российской Федерации; содержащие признаки состава преступления, предусмотренного ст. 275 Уголовного кодекса РФ (государственная измена). Основания такой инициативы обусловлены тем фактом, что «Вооруженными силами РФ проводится специальная операция по защите ДНР и ЛНР. Необходимо учитывать, что оказание финансовой, материально-технической, консультационной или иной помощи иностранному государству, международной либо иностранной организации или их представителям в деятельности». Одновременно был запущен процесс совершенствования нормативно-правового обеспечения патриотического воспитания, выразившийся в разработке комплекса нормативных документов, направленных на укрепление законодательной базы и конкретизацию социально-правового статуса патриотического воспитания, а также роли, места, задач и функций каждого органа власти, ведомства, организации как составных элементов единой системы патриотического воспитания, с учетом их специфики и изменений, происходящих во всех сферах жизни страны. В плане социальной культуры, определяющей тренд современной правотворческой политики, можно указать также на дополнительные меры социальной поддержки военнослужащих (в том числе призванных по мобилизации) и их семьям — в виде денежных выплат.

В завершение проведенного анализа отметим, что на современном этапе для эффективного развития правотворческой политики в России необходимо последовательно изучать и осмысливать ценностные ориентиры культуры нашей страны, ее нравственные приоритеты, сложившиеся исторически. Только в этом случае меры, направленные на совершенствование отечественного законодательства, дадут действенный результат; только в этом случае право станет подлинной основой жизни каждого гражданина нашей страны, а качество вновь принимаемых нормативных актов значимо вырастет и будет адекватно отражать процессы, происходящие в российском обществе.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Матузов, Н.И. Теория государства и права: учебник. — [4-е изд., испр. и доп.] / Н.И. Матузов, А.В. Малько. — Москва : Дело, 2016. — 528 с. — Текст непосредственный.
2. Самородов, В.Ю. Культурный аспект современной правотворческой политики (опыт осмысления проблемы) / В.Ю. Самородов. — Текст непосредственный // Правовая политика и правовая жизнь. — 2018. — № 3. — С. 128–134.
3. Мазуренко, А.П. Правотворческая политика: понятие и соотношение со смежными юридическими категориями / А.П. Мазуренко. — Текст непосредственный // Государство и право. — 2010. — № 4. — С. 12–20.
4. Малько, А.В. Правовая политика в современной России: проблемы доктринального понимания и формирования / А.В. Малько, В.В. Трофимов. — Текст непосредственный // Государство и право — 2013. — № 2. — С. 5–13.
5. Каминская, И.В. Правосознание как элемент правовой культуры / И.В. Каминская, А.Р. Ратинов // Правовая культура и вопросы правового воспитания: сб. науч. тр. — Москва, 1974. — С. 39–67. — Текст непосредственный.

6. Бондарев, А. С. Правовое самовоспитание как самостоятельный вид субъектно-правовой социализации / А. С. Бондарев. — Текст непосредственный // Вестник пермского университета. Юридические науки. — 2013. — № 2 (20) 2013. — С. 7–16.
7. Тосунян, Г. А. Культура правотворчества в современной России / Г. А. Тосунян, Л. В. Санникова. — Текст непосредственный // Государство и право. — 2018. — № 3. — С. 28–34.
8. Кравченко, С. А. Нелинейная социальная и культурная динамика: теория П. А. Сорокина и современные подходы / С. А. Кравченко. — Текст непосредственный // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. — 2021. — № 27 (4). — С. 33–48.
9. Литвинова, Ю. О. Риски в правотворчестве: теоретико-правовой анализ / Ю. О. Литвинова. — Текст непосредственный // Философия права. — 2020. — № 2 (93). — С. 17–22.
10. Малько, А. В. Стратегия и тактика как элементы правотворческой политики / А. В. Малько, А. П. Мазуренко. — Текст непосредственный // Юридическая техника. — 2019. — № 9. — С. 436–443.

Orlova A. S.

*student, Sochi branch, The All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia),
Sochi, Russia*

Academic Supervisor:

Boldenko O. A.

*Cand. Sc. Pedagogic, Assoc. Prof. of the Department of Legal and Socio-Economic Disciplines,
Sochi branch, The All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia),
Sochi, Russia*

THE CULTURAL ASPECT OF MODERN LAW-MAKING POLICY

The article discusses the current aspects of law-making policy. Law-making policy is the embodiment of the requirements of the culture of law-making in the practical plane. The culture of law-making becomes higher when the law-making policy is properly implemented, since the law-making policy itself is formed on the basis of certain cultural ideas.

Key words: lawmaking, state, law-making policy, law enforcement.

УДК 34(082)

DOI 10.55346/27825647_2023_1_14

Белавкина П. А.

студентка 3 курса магистратуры,
Сочинский филиал Всероссийского государственного
университета юстиции (РПА Минюста), г. Сочи, Россия

© 2023

Дата приема:
28.12.2022

Научный руководитель: **Ратьков А. Н.**

доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин,
кандидат юридических наук, доцент,
Сочинский филиал Всероссийского государственного
университета юстиции (РПА Минюста), г. Сочи, Россия

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ В РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Учитывая роль права как регулятора всех сфер общественной жизни, проблема существования законодательного пробела становится актуальной. Поскольку право, как и само общество, развивается и расширяет границы и предмет своего регулирования, существование законодательных пробелов является естественным явлением, присущим любой правовой системе, поскольку нормы, закрепленные в позитивном праве, не могут в полной мере охватывать вновь проявляющиеся общественные отношения.

Ключевые слова: законодательный пробел; правовой пробел; закон; правовой вакуум.

Актуальность предлагаемой темы исследования заключается в том, что правоприменение предполагает воплощение в жизнь требований различных правовых норм в целях обеспечения порядка и законности, а следовательно, обеспечение стабильности государства, безопасности граждан, их уверенности в завтрашнем дне. Однако в таком контексте мы имеем дело лишь с идеальнотипической системой, присущей основному научному знанию. Главная проблема заключается в том, что процесс применения правовых норм в повседневной жизни очень сложен, изменчив, связан с действием разнонаправленных факторов и влиянием общественно-исторической ситуации. Именно поэтому правоприменение в современных российских условиях, а также отношение самих граждан к этому процессу представляет собой очевидный научный интерес.

Пробел в праве — проблема, корни которой уходят в глубокую древность. Обращаясь к трудам древних мыслителей, мы находим следующее утверждение: «закон не может полностью объять превосходнейшее и справедливейшее, чтобы предписать всем наилучшее». Это говорит о том, что с несовершенством и неточностью закона человек сталкивался во все времена. Это отмечали в своих трудах такие выдающиеся древнегреческие мыслители, как Платон (427–347 до н.э.)

и Аристотель (384–322 до н. э.). Последний пытался всесторонне исследовать проблему, связанную с несовершенством законов. В частности, он высказал мнение, что причина пробелов кроется не в самом законе, а в характере объекта, на который он распространяется. По мнению ученого, избежать пробелов в законе достаточно сложно, поэтому проблема может быть решена с помощью естественного права, под которым он понимал систему непреложных законов природы. Именно они могут оказать содействие судьям в решении вопросов, не охватываемых законом.

Говоря о сущности пробелов, обратимся к семантике этого термина. Слово «пробел» может иметь два смысловых значения: в прямом смысле оно означает пустое место или какое-то упущение, в переносном — недостаток, несовершенство. Отсюда следует, что пробелом можно назвать заведомо пустое пространство или несовершенство самого объекта, подлежащее исправлению.

В теории права понятие «пробел» чаще употребляется в переносном смысле — как одно из несовершенств. Однако не все юристы с этим согласны, часть правоведов считает допустимым трактовать «пробел» в прямом смысле слова, и тогда его можно назвать умышленным. Примерами могут служить ситуации, когда законодатель намеренно оставляет вопрос открытым. Цель — решить проблему, исходя из того, как складываются отношения в обществе, или на усмотрение судьи. Но эта позиция подвергается обоснованной критике, так как в понятие «умышленный пробел» входят и способы его заполнения, а это уже означает смешение различных терминов, которые традиционно принято разделять.

Есть юристы, которые намеренными пробелами называют квалифицированное молчание законодателя, имея в виду, что он умышленно не принимает нормы права, выводя решение дела за пределы законодательного регулирования. Однако в последнее время в этом смысле активизировался поиск и разработка новой парадигмы: ученые пытаются связать юриспруденцию и право с другими науками, в частности с герменевтикой, философией постмодерна, синергетикой и даже математикой.

Остановимся на герменевтическом подходе к пониманию права. Российский правовед А. И. Овчинников в работе «Правовое мышление в герменевтической парадигме» описывает его «как <...> *новый тип правопонимания, в контексте которого природа права, его корни располагаются в коммуникативных глубинах человеческого духа*». Она направлена на преодоление узости различных подходов к решению правовых задач и позволяет сочетать частное с общим, на что и должно ориентироваться настоящее правосознание [5, с. 205].

Заслуга немецкого философа Г. Г. Гадамера в том, что юридическая герменевтика изначально считает право не идеальным не потому, что оно таково, а потому, что оно априори не может функционировать абсолютно органично в реалиях человеческого мира, поэтому он не совершенен, и на основании этого часто возникают ситуации, когда применение закона невозможно. При герменевтическом объяснении правовых норм и восполнении правовых пробелов необходимо учитывать, что жизнь состоит из различных знаков, которые наше сознание интерпретирует в действительности, исходя из личных убеждений.

Согласно герменевтической науке, символ — это «всякая структура значения, где один смысл — прямой, первичный, буквальный, означает одновременно и дру-

гой смысл — косвенный, вторичный, иносказательный, который может быть понят лишь через первый».

Правовая норма или ее отсутствие — это символ, смысловую нагрузку которого следует установить. В любом смысловом значении, кроме буквального, часто присутствует контекстуальное, опуская которое зачастую правильно понять весь принцип правовой нормы или уяснить корень ее отсутствия достаточно сложно. Поэтому для правильного применения закона в процессе его толкования, применения аналогии закона или права необходимо найти глубинный смысл правовой нормы.

С герменевтической точки зрения толкование правовой нормы и исследование пробела в праве являются способом решения проблемы двоякого смысла правовой нормы. Ведь герменевтика позволяет непосредственно раскрыть смысл правового контекста. Одной из проблем, на которую необходимо обратить внимание, является несоответствие между исторической и юридической герменевтикой [7, с. 154].

В качестве примера проанализируем взгляд историка права и судьи на действующий законодательный акт. Судья толкует закон, основываясь только на конкретном правонарушении. Историк права, напротив, иначе смотрит на право и при его рассмотрении учитывает абсолютно все исторические события. Отсюда вывод: при применении права необходимо руководствоваться историческим пониманием законодательного акта, учитывать его первоначальный смысл, но в то же время учитывать современные условия правового регулирования. Исходя из того, что юридическое значение права не всегда ясно, юридическая догматика и юридическая герменевтика находятся в непосредственной связи, причем юридическая герменевтика доминирует.

Кроме того, в научном сообществе идет дискуссия о пробелах в законе и праве, хотя с учетом вышеизложенного правильнее было бы говорить о пробелах в законодательстве. В частности, профессор В. В. Лазарев считает, что законодательство следует определять как систему нормативных указаний, издаваемых компетентными правотворческими органами. По его мнению, законодательство есть закон, так как все другие источники права не имеют такой же юридической силы, как закон.

Он выделяет два случая, когда можно указывать на пробел в законе:

1. Пробел в законодательном акте, даже если он восполнен подзаконным актом.
2. Пробел именно в данном нормативном акте, даже если он восполнен иным нормативным актом (полное отсутствие нормативного акта, т. е. отсутствие закрепления правом определенных отношений даже в общей форме, означает уже наличие пробела в праве) [3, с. 72].

Немецкий философ Г. Гегель считал, что первичное предназначение права — это независимость и упорство, а непосредственно само право — это беспрепятственность, идеология, которая выступает в роли регулятора социальных отношений в области правовых норм: «*обязательно как право лишь то, что есть закон*» [4, с. 25].

По мнению В. В. Лазарева, при рассмотрении права и закона стоит учитывать тот факт, что закон — это один из видов выражения права, и верным вариантом будет исследовать уязвимость законодательных и нормативных актов. Анализируя право, стоит учитывать информацию из доверенных источников, и вести диалог об уязвимостях позитивного права. Разграничивая данные понятия, пробелы можно представить следующим образом:

1. Пробел в позитивном праве — когда отсутствует и закон, и подзаконный акт, и обычай, и прецедент.

2. Пробел в нормативно-правовом регулировании — когда отсутствуют и нормы закона, и нормы подзаконных актов.

3. Пробел в законодательстве — когда в принципе отсутствует закон как акт высшего органа власти.

4. Пробел в законе — когда вопрос неполно урегулирован в данном конкретном законе. Помимо рассмотренных выше позиций, в теории права выделяют также два аспекта понимания пробелов [6, с. 6].

Профессор С. С. Алексеев призвал исследовать уязвимости с точки зрения общесоциальной значимости, когда есть основания полагать, что конкретные социальные связи находятся вне правового регулирования, и имеют место правовые пробелы. Это уязвимости, возникающие исключительно в сфере права и только в отношении аргументов, находящихся в сфере правового регулирования [3, с. 69].

Аналогичной позиции придерживается и профессор П. Е. Недбайло, полагая, что пробелом в праве является пробел в содержании права по отношению к фактическим общественным отношениям, находящимся в поле правового регулирования.

Также пробел в праве и пробел в законе можно рассматривать как форму и содержание, когда пробел в праве является более широким понятием, чем пробел в законе. Однако пробел в законе не всегда означает пробел в праве.

Пример — отсутствие законодательного определения вины в уголовном праве. Статьи 25, 26 УК РФ [1], определяя вину через ее формы и их признаки, не препятствуют правоприменению. В то же время понятие «пробелы в праве» не тождественно понятию «ошибки в праве», хотя в какой-то степени они могут совпадать. Теоретически под правовой ошибкой понимается неправильная оценка объективно существующих общественных отношений. Он заключается в принятии неверного законодательного решения, отраженного в нормативном правовом акте.

Правовая ошибка может иметь место, когда законодатель издает норму, в которой нет необходимости, или ошибочно полагает, что некоторые ситуации не подлежат правовому регулированию, а также, когда он передает правоприменительному органу компетенцию по решению вопроса, которым последний не должен заниматься. Таким образом, ошибка в праве может привести к лазейкам в законодательстве.

Помимо выделенных выше проблем пробелов в праве, в научной литературе можно встретить центристскую (умеренную) точку зрения — она относится к категории «правового вакуума». Известный правовед Д. Н. Рябова дала такое определение правовому вакууму: это отсутствие правовых норм, необходимых для рационализации не урегулированных ранее правоотношений, и несмотря на необходимость, вызванную вновь возникающими общественными отношениями [5, с. 207].

На основании вышеизложенного делаем вывод, что упущения в правовых актах — это абсолютное или фрагментарное отсутствие правовых норм, которое привело к процессу развития общественных отношений и необходимости быстрого решения вопроса. Отсюда следует, что сотруднику правоохранительных органов достаточно сложно отличить повторно сложившиеся социальные взаимоотношения от тех, которые возникли ранее.

Одним из сторонников сдержанных характеристик уязвимости в праве считается С. С. Алексеев, выделявший в правовых актах «неполные пробелы» — происшествия, подлежащие правовому регулированию, но не предусмотренные конкретной правовой нормой. Сложно говорить о том, что конкретно понимал С. С. Алексеев под «полным пробелом», однако исходя из его дальнейших размышлений о «последующих» уязвимостях допустимо предположить, что в комплекс уязвимостей включены и те, которые образуются в результате продолжительных видоизменений в области социальных взаимоотношений [3, с. 62].

Попробуем ответить на следующий вопрос: стоит ли выделять правовой вакуум, целесообразно ли это?

Возможно, он входит в понятие «пробел» в праве или законодательных актах? На самом деле, и пробел в праве, и правовой вакуум являются следствием того, что право в своем развитии отстает от общественной жизни. Основное их отличие состоит в том, что пробел можно восполнить с помощью аналогии права, тогда как для правового вакуума потребуется правотворчество.

В. В. Лазарев пишет, что пробел в законодательных актах — это абсолютный или же фрагментарный дефицит норм, необходимость которых обусловлена эволюцией социальных взаимоотношений, политикой, содержанием действующего в данный момент законодательства, а также различными причинами государственных действий.

Исходя из вышеизложенного к термину «пробел» относят те случаи, когда законодатель берет на себя регламентацию конкретных отношений, но не полностью, оставляя за собой небольшой пропуск при их урегулировании. Однако это не означает, что «пробелы» позволяют считать законодательство неполным. В. И. Акимов указывает, что в силу узкого толкования этого термина большинство правовых явлений просто невозможно объяснить пробелами. По мнению автора, пробел заключается в неурегулированности с помощью отдельных положений права взаимоотношений, закрепленных в общепринятых нормах. Нет пояснений, какая именно общепринятая норма является действительной, так как ее трудно представить без целостного смысла и пояснений законодательства. Автор отмечает, что правовые принципы не являются критерием для указания на пробелы. Пробелом также можно считать ситуацию, когда нет конкретного указания на то, что общественные отношения нуждаются в правовом регулировании, но оно по разным причинам отсутствует. Таким образом, пробелом в общем случае можно считать:

1. Дефицит конкретной правовой нормы для регламентирования определенного, подлежащего правовому регулированию происшествия.

2. Дефицит конкретного, необходимого для разрешения неоднозначных правоотношений комплекса норм.

3. Потребность в правовом регулировании определенных социальных взаимоотношений исходя из интересов государства в регламентации конкретных отношений. Например, в законодательстве, действующем в государственной (а точнее в ее подвиде — правоохранительной) службе, отсутствует норма права, закрепляющая порядок реализации процедуры задержания гражданина, установления его личности и т. д. (п. 13 ч. 1 ст. 13 ФЗ «О полиции») [2]. В частности, в данной норме нет ссылки на процессуальное законодательство, а именно на Уголовно-процессуальный кодекс и Кодекс об административных правонарушениях, что порождает нарушение прав и свобод граждан.

Подводя итог, можно сказать, что пробел в правовых нормах, в частности в законодательстве о государственной службе, представляет собой состояние правовой неопределенности, которая возникает в результате абсолютной или фрагментарной неправомерности законодательства о государственных органах, регулирующих различные общественные отношения, непосредственно связанные с их производительной деятельностью. Немаловажное значение имеет и отсутствие стандартов, необходимых для разрешения некоторых инцидентов. Речь здесь идет о действующих нормативных правовых актах, в частности в определенной законодателем сфере. Последовательно разделяя понятия «право» и «закон», надо признать, что пробел в праве проявляется прежде всего как пробел в законе.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 24.09.2022).
2. Федеральный закон «О полиции РФ» от 07.02.2011 № 3-ФЗ (с изм. И доп., вступ. В силу с 01.03.2021).
3. Лазарев, В.В. Пробелы в праве и пути их устранения. — [репр. изд.] — Москва: Норма: ИНФРА-М, 2019. — С. 183.
4. Худойкина, Т.В. Правоведение: учебник / Худойкина, Т.В., Гинзбург И.В., Купцова О.В. [и др.]. — Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2018. — С. 448.
5. Крашенинников, П. Времена и право / Крашенинников, П. — Москва: Статут, 2016. — С. 256.
6. Лазарев, В.В. Избранные труды. — Т. II. Пробелы в законодательстве: установление, преодоление, устранение. — Москва, 2010. — С. 415.
7. Малякова, А.А. Отдельные проблемы юридической герменевтики / А.А. Малякова, А.Х. Маликова // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. — 2020. — № 10. — С. 3.

Belavkina P. A.

*3rd year Master student of the Faculty of Law,
Sochi branch of the All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia),
Sochi, Russia*

Academic Supervisor: Ratkov A. N.

*Associate Professor of the Department of Criminal Law Disciplines,
Sochi branch of the All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia), Sochi, Russia*

THEORETICAL ASPECTS OF LEGAL GAPS

Considering the role of law as a regulator of all public life spheres, the problem of the legislative gap existence is becoming essential. Since the law, like society itself, develops and expands the boundaries and subject of its regulation, the existence of legislative gaps is a natural phenomenon inherent in any legal system since the norms enshrined in positive law cannot fully cover newly manifesting social relations. In this article, the author studied the theoretical foundations of legislative gaps and correlated them with such a phenomenon as a law.

Key words: legislative gap; law gap; law; legal vacuum.

УДК 343.13

DOI 10.55346/27825647_2023_1_20

Коростова М. Д.

*студентка 2 курса магистратуры,
Сочинский филиал Всероссийского государственного
университета юстиции (РПА Минюста), г. Сочи, Россия*

© 2023

*Дата приема:
20.12.2022*

Научный руководитель: Ратьков А. Н.

*доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин,
кандидат юридических наук, доцент,
Сочинский филиал Всероссийского государственного
университета юстиции (РПА Минюста), г. Сочи, Россия*

ДОЗНАНИЕ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Дознаватель является должностным лицом, уполномоченным осуществлять предварительное расследование по уголовному делу в форме дознания. В данной статье рассматриваются полномочия дознавателя, закрепленные в российском уголовном процессе и законодательстве некоторых зарубежных стран, таких как Англия, Франция, Иран и Саудовская Аравия. Анализируются сходства и отличия в порядке проведения предварительного расследования в форме дознания.

Ключевые слова: *дознаватель; досудебное производство; предварительное расследование; уголовный процесс; англосаксонская правовая семья; романо-германская правовая семья; мусульманское право.*

В реализации правоохранительной функции государства значимая роль принадлежит правоохранительным органам, чья юрисдикция чрезвычайно широка. Одним из существенных направлений деятельности правоохранительных органов в рамках обеспечения режима законности и правопорядка является проведение предварительного расследования, которое, по мнению В. А. Михайлова, «дифференцируется на уголовно-процессуальные институты предварительного следствия, дознания и производства неотложных следственных действий» [5, с. 77].

В соответствии с п. 8 ст. 5 УПК РФ дознание представляет собой форму предварительного расследования, осуществляемую дознавателем (следователем) в рамках производства по уголовному делу, по которому проведение предварительного следствия не является обязательным. Преступления, дела по которым могут расследоваться в форме дознания, закреплены в ч. 3 ст. 150 УПК РФ.

Дознание осуществляется, как правило, органами дознания. В то же время дознание может осуществляться и следователем в случаях, предусмотренных ч. 3 ст. 151 УПК РФ. Процессуальное руководство дознанием, производимым органами дознания (дознавателями), напрямую осуществляется не только должностными лицами органов дознания (начальником органа дознания, начальником подразделения дознания, их заместителями), но и (в отличие от предварительного следствия) надзирающим за ними прокурором.

В соответствии с п. 3 ст. 223 УПК РФ срок дознания составляет 30 суток со дня возбуждения уголовного дела, а при необходимости и с согласия прокурора может быть продлен еще на 30 суток. В исключительных случаях, при необходимости проведения экспертизы, срок дознания может быть продлен прокурором на срок до 6 месяцев, а при необходимости получения дополнительной правовой помощи срок дознания продлевается прокурором субъекта Российской Федерации и приравненным к нему военным прокурором на срок до 12 месяцев. По этой причине в случае, если для дознавателя не представляется возможным завершить расследование в установленный законом срок, уголовное дело подлежит передаче для дальнейшего производства следователю.

В марте 2013 года вступил в силу Федеральный закон от 04.03.2013 № 23-ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации», в соответствии с которым в УПК РФ была введена гл. 32.1 «Дознание в сокращенной форме». Результатом введения данной главы стало появление в Российской Федерации ранее не известного вида дознания, именуемого сокращенным дознанием. Срок проведения дознания в сокращенной форме составляет 15 суток с возможностью продления до 20 суток (ст. 226.6 УПК РФ).

Сокращенная форма предусматривает, что доказательства по уголовному делу собираются в объеме, достаточном для установления события преступления, характера и размера причиненного им вреда, а также виновности лица в совершении преступления.

Таким образом, дознаватель освобожден от необходимости устанавливать весь перечень обстоятельств, подлежащих доказыванию, закрепленный в ст. 73 УПК РФ. Однако, на наш взгляд, принять обоснованное решение по результатам такого дознания невозможно, поскольку не установлены другие обстоятельства, входящие в предмет доказывания. Например, данные, характеризующие личность лица, подозреваемого в совершении преступления. Ведь, если лицо является несовершеннолетним или есть основания для применения особого порядка уголовного судопроизводства, производство дознания в сокращенной форме невозможно.

В этой связи интересным представляется изучение дознания как формы предварительного расследования в зарубежных странах, позволяющее провести сравнительный анализ с российским уголовным процессом.

Например, уголовно-процессуальное право в англосаксонской правовой семье состоит в основном из общего права и права справедливости. Общее право в Англии было создано Вестминстерскими судьями, а право справедливости возникло из решений Канцлерского суда, исправивших недостатки общего права. На досудебных стадиях функция обвинения осуществляется путем расследования.

В английской уголовно-процессуальной системе до 1985 года не было службы государственного обвинения, и обвинителями выступали адвокаты, представляющие интересы правительства, которые существуют и сегодня. Государственное обвинение в совершении тяжких преступлений осуществляется через своих помощников директором публичных преследований, который назначается генеральным атторнеем (*attorney general*)¹ из числа барристеров (*barrister*)² или солиситоров (*solicitor*)³. Кроме указанных субъектов, предварительное расследование по большинству дел производят полиция и некоторые другие должностные лица (генеральный атторней или директор управления по борьбе с тяжкими мошенничествами).

Полицейская (внесудебная) стадия расследования является первой стадией уголовного процесса, которая в целом состоит из четырех этапов: пресечение совершения преступления, досудебное расследование, арест, регистрация арестованного и послеарестовое полицейское расследование. Полицейское расследование в англосаксонской системе совпадает с предварительным следствием по российскому уголовному праву.

В Англии во всех случаях различается уголовно-процессуальная форма в зависимости от категории преступления. Таким образом, производства по фелониям (тяжким уголовным преступлениям) более сложны, чем по мисдиминарам (уголовно наказуемым проступкам). Однако англосаксонская система не предусматривает деления производства по уголовным делам на дознание и предварительное следствие. Предполагается, что всеми преступлениями занимается полиция, функции которой заключаются в отыскании, обнаружении носителей доказательственной информации, которые будут впоследствии представлены в суд [4, с. 20]. При этом функции привлечения лица в качестве обвиняемого сосредоточены в полномочиях другого лица — обвинителя (*attorney*), которым может выступать даже частное лицо или частный адвокат. *Attorney* направляет обвинительный акт (проект постановления о предъявлении обвинения и привлечении в качестве обвиняемого) в суд для утверждения ареста магистратом, который исследует его законность и обоснованность без участия задержанного. Если арест и обвинения обоснованы, арестованный должен немедленно лично предстать перед судом для предъявления обвинения, что называется «процедура первоначальной явки» и состоит в следующем. Суд устанавливает личность обвиняемого, сообщает ему существо обвинения и разъясняет его права, утверждает обвинительный акт и избирает меру пресечения. В российском уголовном процессе субъекты, осуществляющие предварительное расследование, частично самостоятельны и могут избирать некоторые меры пресечения без участия суда (например, подписку о невыезде и надлежащем поведении, личное поручительство).

Несомненно, российский уголовно-процессуальный и английский законы существенно различаются, поскольку в англосаксонской системе в судопроизводстве преобладает прецедентное право. Однако есть ряд схожих черт, хотя и не столь очевидных. Например, полицейское расследование в Англии фактически выпол-

¹ Генеральный атторней (*attorney general*) — министр юстиции/генеральный прокурор.

² Барристеры (*barrister*) — адвокаты более высокого ранга, которые ведут судебные дела.

³ Солиситоры (*solicitor*) — адвокаты, ведущие подготовку судебных материалов для ведения дел барристерами.

няет функции дознания в России, особенно по уголовным правонарушениям (мисдиминарам). Полицейский Англии ближе всего по своим полномочиям подходит к сотруднику российских оперативных служб, которого часто именуют сыщиком, и не может быть отнесен к официальному лицу, которое условно можно было бы сравнивать с российским следователем. При расследовании преступлений английский полицейский вправе принимать самостоятельные процессуальные решения, но руководствоваться при этом он должен, главным образом, сводом практических рекомендаций, то есть ведомственными приказами.

Больше общего можно увидеть во французском и российском досудебном производстве. Досудебное производство во Франции состоит из трех стадий: расследования, возбуждения уголовного дела и досудебного следствия, а привлечение к суду входит в стадию досудебного следствия.

Первым этапом уголовного производства во Франции является полицейское расследование [3, с. 122]. Оно проводится под руководством прокуратуры комиссарами полиции, офицерами и агентами судебной полиции, мэрами и их помощниками. В ряде случаев расследование ведут полевые охранники, лесники и некоторые другие должностные лица.

Во Франции выделяются следующие общие виды дознания: дознание очевидных преступлений (проступков) и первоначальное дознание. Содержанием любого вида полицейского дознания является поиск улик, закрепление доказательств и принятие мер по выявлению и розыску виновных в правонарушениях лиц. Однако процессуальное значение действий полиции различается в зависимости от вида дознания. Уголовно-процессуальный кодекс Франции подробно регулирует порядок получения доказательств преступления при производстве дознания первого вида. Они аналогичны основаниям задержания лица по подозрению в совершении преступления в современном российском уголовном судопроизводстве, так как исторически послужили их прообразом. Закон не устанавливает сроков такого рода дознания, обычно они составляют несколько часов или дней. При расследовании явных преступлений полиция вправе производить все следственные действия, каждое из которых оформляется протоколом, имеющим доказательственное значение.

В теории уголовного процесса французское дознание — общее дознание (*inquisitio generalis*), направленное на установление хода событий и виновного лица. Последующее расследование призвано выполнить задачу специального расследования (*inquisitio specialis*): выяснить вину конкретного лица в установленном преступлении.

При дознании по очевидным преступлениям лицо, проводящее последующую проверку, обладает максимально широким кругом полномочий, сравнимым с тем, что предоставляется лицу, осуществляющему расследование по возбужденному уголовному делу. При отсутствии очевидности признаков преступления полномочия лиц, проводящих дознание в таком случае, ограничены. Обыски, изъятия и выемки допустимы только с согласия заинтересованного лица (за исключением случаев производства дознания по отдельным категориям преступлений, таких как терроризм, экстремизм и т. д.). Также не допускается применение каких-либо мер пресечения и процессуального принуждения, за исключением задержания на срок не более 48 часов.

Дознание сомнительной смерти является специализированной формой дознания, осуществляемого в случае обнаружения трупа лица, причины смерти которого вызывают сомнение.

Последней формой дознания является проверка личности. Данную форму дознания следует отличать от обычной проверки личности полицией. В отличие от штатной проверки в данном случае допускается применение мер процессуального принуждения.

По результатам расследования в форме дознания прокурор возбуждает уголовный иск о применении наказаний в отношении подозреваемых (в отношении конкретных лиц) или о совершении преступления. Уголовный иск в форме особого ходатайства (уголовное дело) направляется прокурором судебному следователю для предварительного следствия.

Проверочные мероприятия, в соответствии с Уголовно-процессуальным кодексом Франции, осуществляются только по преступлениям средней тяжести и выше (деликтам и преступлениям). При этом факт проведения проверки зависит от решения прокурора, который оценивает её целесообразность. Составление каких-либо процессуальных актов при принятии прокурором решения о возбуждении уголовного дела не предполагается.

Во французской уголовно-процессуальной системе имеется такое же разделение на дознание и предварительное следствие. Отличие от российского предварительного расследования лишь в том, что решение о возбуждении уголовного дела (уголовного иска) принимает прокурор. С учетом изложенного можно говорить, что в Российской Федерации дознаватель и следователь имеют больше самостоятельности на начальных стадиях уголовного процесса.

Не менее интересным представляется досудебное производство в мусульманских странах. Особенность исламского уголовного процесса заключается в том, что духовную основу исламского уголовного процесса составляют Коран и Сунна. Именно они содержат и/или формулируют более общие религиозно-правовые положения, определяющие ценностное содержание исламского уголовного процесса.

В большинстве мусульманских стран исламское уголовное правосудие осуществляется только кади¹ в силу религиозного долга. То есть, предварительное следствие подразумевает судебную деятельность, когда судья ведет следствие самостоятельно. Конечно, данная деятельность не исключает полицейское дознание, проводимое шуртой² или мухтасибом³, которые в ряде случаев собирают и проверяют доказательства, необходимые для суда, но их выводы о виновности или невиновности лица не имеют значения до тех пор, пока суд не примет окончательное решение.

В качестве примера можно привести Исламскую республику Иран. В стадиях иранского уголовного процесса имеется схожесть с российским уголовным процессом: отделены стадии возбуждения уголовного дела и предварительного расследования, предание суду, судебное разбирательство, производство в суде апелляции

¹ Судья, получивший религиозно-правовое образование и наделенный правом принятия решений в силу религиозного долга путем толкования Корана и Сунны.

² Полиция общественной безопасности.

³ Религиозная полиция.

онной инстанции, производство по изменению судебных решений и исполнение приговора (судебная часть). Интерес для нас представляет стадия предварительного расследования. В соответствии с действующим УПК Ирана прокуратура является системой государственных учреждений (органов судебной власти), несущих ответственность за раскрытие преступлений, уголовное преследование обвиняемых, расследование преступлений и защиту общественных прав, а также исполнение наказаний [1]. Каждое учреждение прокуратуры действует в составе прокурора (главы учреждения), его заместителей, помощников прокурора, следователей и сотрудников аппарата.

Прокурор рассматривается в качестве органа обвинения и органа предварительного расследования, который обязан лично провести необходимое расследование по уголовному делу, принять соответствующие меры для собирания доказательств совершенного преступления. Однако это не препятствует ему делегировать часть своих полномочий уполномоченным должностным лицам других учреждений, находящихся в сфере ответственности Министерства юстиции. Эти должностные лица перечислены в ст. 29 УПК Ирана 2014 года и делятся на общих и специальных сотрудников судебных органов (уполномоченных судебных должностных лиц). К общим сотрудникам относятся полицейские служащие различного ранга и некоторые иные должностные лица Министерства юстиции. К специальным — сотрудники других ведомств, действующих как уполномоченные должностные лица Министерства юстиции (например, сотрудники тюремных заведений, Министерства разведки, Корпуса стражей исламской революции и других военных или полувенных формирований).

Сотрудников судебных органов можно сопоставить с органами дознания в РФ, так как в их полномочия входит исполнение постановления прокурора и расследование дела оперативно и в сроки, определяемые судом. В Иране сотрудники судебных органов подчиняются прокурору, который, как упоминалось ранее, ведет собственное расследование. В РФ дознаватели подчинены начальнику органа дознания, прокурору, однако имеют больше самостоятельности, чем сотрудники судебных органов, поскольку могут привлекать лиц к уголовной ответственности, проводить расследование в полном объеме, а не только с разрешения и одобрения прокурора.

Особенностью иранской системы уголовного правосудия является то, что в ряде случаев в расследовании участвует только суд. Речь идет о привлечении к ответственности за преступления против нравственности, против несовершеннолетних, а также за преступления, совершенные детьми в возрасте до 15 лет.

В отличие от Ирана, который частично разделяет характеристики мусульманского уголовного процесса, в Королевстве Саудовская Аравия уголовный процесс представляет собой более сложную западную модель уголовного правосудия. Основным источником уголовно-процессуального права в Саудовской Аравии является Уголовно-процессуальный закон от 16.10.2001 г., действующий на основании и в соответствии с Кораном и Сунной, шариатом и Основным низамом о власти от 01.03.1992 г. [2].

Стадии уголовного процесса Саудовской Аравии схожи со стадиями Российской Федерации: присутствует такое же деление на возбуждение уголовного

дела и предварительное расследование (досудебная часть), предание суду, судебное разбирательство, производство в суде апелляционной инстанции, производство по пересмотру судебных решений и исполнение приговора (судебная часть). Однако, имеются незначительные отличия в стадии предварительного расследования. Возглавляет предварительное расследование департамент Бюро уголовных расследований и преследований Королевства. Расследованием преступлений занимается исключительно следователь. В ряде случаев следователь может поручить любому офицеру уголовного расследования проведение следственных действий, за исключением допроса обвиняемого. При этом в досудебном производстве, как и в целом в уголовном процессе отсутствует власть прокуратуры как самостоятельного органа обвинения, а также судебное расследование преступлений и судебный контроль за соблюдением прав и свобод человека и гражданина.

Отсюда следует, что современный уголовный процесс Королевства Саудовская Аравия в целом имеет универсальную техническую конструкцию, что не отменяет уникальности использования тех или иных исламских технических конструкций.

Таким образом, сравнив порядок производства дознания в России и некоторых зарубежных странах, можно сказать следующее: опыт зарубежных стран организации расследования преступлений в большинстве случаев положительно влияет на формирование национальной правовой модели. Однако, на наш взгляд, российская модель дознания имеет более совершенную и полноценную форму, в сравнении с некоторыми упомянутыми зарубежными странами. Российские дознаватели обладают большим объемом прав, а также менее зависят от других участников со стороны обвинения. К примеру, дознавателю нет необходимости передавать уголовное дело прокурору для принятия решения о возбуждении уголовного дела. Также дознаватели в Российской Федерации обладают полномочиями на раскрытие преступлений и расследование уголовных дел, а не на проведение в основном оперативно-розыскных мероприятий, как это происходит в Англии или Франции, что говорит о достаточной процессуальной самостоятельности российских дознавателей в сравнении с зарубежными.

Определенный интерес в изучении дознания представляют мусульманские страны, поскольку в большинстве своем они опираются при расследовании на религиозные нормы. Но влияние западных государств привело к тому, что в указанных странах уголовный процесс стал более совершенным. В сравнении с УПК Ирана 1999 года, в современном УПК этого государства произошло разделение полномочий судебной и исполнительной власти. В Саудовской Аравии романо-германская система уголовного судопроизводства практически заменила нормы шариата. Это подтверждает факт заимствования норм других стран для совершенствования права собственного государства.

На наш взгляд, изучение уголовного судопроизводства зарубежных стран позволяет учитывать и включать в отечественное законодательство апробированные и эффективные процедуры организации расследования преступлений и, тем самым, модернизировать российский уголовный процесс, закрепляя наиболее эффективные средства противостояния преступности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Уголовно-процессуальный кодекс Исламской республики Иран от 23 апреля 2014 г. : сайт. — URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_009451216/ (дата обращения: 07.12.2022). — Текст электронный.
2. Уголовно-процессуальный закон Королевства Саудовская Аравия : сайт. — URL: <https://www.worldislamlaw.ru/?p=3122> (дата обращения: 07.12.2022). — Текст электронный.
3. Боботов, С. В. Уголовно-процессуальный кодекс Франции 1958 года (с изм. и доп. на 1 января 1966 г.) : [пер. с фр.] / [предисл. к. ю. н. С. В. Боботова и к. ю. н. В. И. Каминской]. — Москва : Прогресс, 1967. — 323 с.
4. Григорьев, Д. А. Дифференциация процессуальной формы производства дознания: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. — Москва : МосУ МВД России, 2018.
5. Михайлов, В. А. О статусе органов дознания и следственных органов / В. А. Михайлов, Э. Ф. Побегайло, И. Г. Цопанова // Публичное и частное право. — 2019. — № 1 (41). — С. 75–83.

Korostova M. D.

*2nd year Master student of the Faculty of Law,
Sochi branch of the All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia),
Sochi, Russia*

Academic Supervisor: Ratkov A. N.

*Associate Professor of the Department of Criminal Law Disciplines,
Sochi branch of the All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia),
Sochi, Russia*

INQUIRY IN THE RUSSIAN FEDERATION AND FOREIGN COUNTRIES: COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS

An inquirer is an official authorized to carry out a preliminary investigation in a criminal case in the form of an inquiry. This article examines the inquirer from the point of view of the Russian criminal process and some foreign countries like England, France, Iran and Saudi Arabia. The similarities and differences in conducting a preliminary investigation in the form of an inquest have been studied.

Key words: interrogator; pretrial proceedings; preliminary investigation; criminal procedure; Anglo-Saxon system; Romano-Germanic system; Muslim law.

СООТНОШЕНИЕ ПОЗИЦИЙ РОССИИ И МЕЖДУНАРОДНОГО УГОЛОВНОГО СУДА В СВЕТЕ ИМПЛЕМЕНТАЦИИ РИМСКОГО СТАТУТА

Данная статья посвящена функционированию Международного уголовного суда в настоящее время. В исследовании освещается роль международного уголовного суда в системе международного уголовного правосудия. Особое внимание уделено вопросам имплементации Россией составов преступлений (которые нашли отражение в Римском статуте) и приведения отечественного уголовного законодательства в соответствие с нормами международного гуманитарного права в целом.

Ключевые слова: международное уголовное право; международный уголовный суд; международные преступления; военные преступления; имплементация; Римский статут.

Мировые войны XX века; многочисленные вооруженные конфликты, повлекшие за собой жертвы, как среди военных, так и среди мирного населения вызвали необходимость не только расследования международных военных преступлений, но и создания юрисдикционных органов правосудия, а также внесения в национальные уголовные законы норм об уголовной ответственности за международные преступления. Поэтому создание Международного уголовного суда и специализированных международных судов явилось закономерным итогом эволюции международного уголовного права.

Основой деятельности международных уголовных судов является факт совершения преступных деяний, направленных против человечности, совершаемых во время войн и военных конфликтов. Международными конвенциями были криминализованы многие деяния, совершенные военнослужащими против военных противника и мирного населения.

Военные преступления международного характера подлежат рассмотрению Международным уголовным судом, который руководствуется определенным набором принципов.

Система принципов международного уголовного права закреплена в части 3 Римского статута [1, с. 118], в которой определены шесть основных принципов международного уголовного права. Важнейшими принципами являются: содержа-

ние признаков преступления в законе; закрепление наказания исключительно в законе; неприменение обратной силы действия закона, индивидуальной ответственности лица, совершившего международное преступление; неприменение сроков давности за совершение международного уголовного преступления и виновность лица в совершении таких преступлений.

В рамках мировой уголовной юрисдикции международный уголовный суд уже рассмотрел ряд дел по обвинению лиц, виновных в совершении военных преступлений против человечности в Республике Конго, Руанде. Поэтому международный уголовный суд следует рассматривать как международный орган, осуществляющий уголовное правосудие в сфере военных преступлений для сохранения мирных отношений, защиты прав и свобод граждан и населения стран, где совершаются военные уголовные преступления.

Россия, являясь составной частью цивилизованного мирового сообщества, признает и руководствуется Римским статутом международного уголовного суда, имплементировав в национальное уголовное законодательство закрепленные в Римском статуте нормы [1, с. 116], согласившись признать в национальном законодательстве верховенство международных норм уголовно-правового характера, что выглядит особенно злободневным в свете международных преступлений, совершаемых украинской военщиной против российских граждан и военнослужащих, а также против населения своей страны.

Так, статьей 353 Уголовного кодекса Российской Федерации [2] (далее — УК РФ) были закреплены основания уголовной ответственности за планирование, подготовительные действия, развязывание, ведение агрессивной войны. Сущность объекта данного преступления заключается в уголовно-правовой защите общественных отношений по охране мирного существования различных государств, народов, базирующихся на фундаменте международных принципов и норм права; равенстве участников международных правоотношений; уважении прав, присущих суверенитету; мирном разрешении, урегулировании споров и конфликтов; неприменении силы или угрозы силой; невмешательстве во внутренние дела государств; неприкосновенности и нерушимости границ; территориальной целостности государств [3, с. 63]. Данное преступление посягает также на жизнь, здоровье физических лиц и собственность субъектов права.

Российские суды исходят из правовых положений, принятых Организацией Объединенных Наций, в частности о том, что агрессия — это применение вооруженной силы государства против суверенитета, территориальной неприкосновенности или политической независимости другого государства или каким-либо другим образом, не совместимым с Уставом ООН [4, с. 9]. Агрессивная война Украины является преступлением не только против собственного народа, но и против России, против международного мира и должна повлечь за собой ответственность Украины в Международном уголовном суде.

В УК РФ, в статье 357, закреплено понятие и основания уголовной ответственности за геноцид. В российском уголовном законодательстве геноцид рассматривается как полное или частичное уничтожение национальной, этнической, расовой или религиозной группы как таковой путем убийства членов этой группы, причинения тяжкого вреда их здоровью, насильственного воспрепятствования деторож-

дению, принудительной передачи детей, насильственного переселения либо иного создания жизненных условий, рассчитанных на физическое уничтожение членов этой группы. В статье 359 УК РФ содержится определение и основания уголовной ответственности за наемничество, сущность которого заключается не только в вербовке, но и в нахождении источников финансирования, поиске материальных ресурсов для обеспечения деятельности наемников, их участия в военных действиях на территории иностранного государства. В то же время следует отметить, что имплементация международных норм в отечественное уголовное законодательство недостаточна, поскольку остальные составы преступлений, закрепленные в Римском статуте Международного уголовного суда, в отечественном уголовном законодательстве отсутствуют [5, с. 9].

К существующим недостаткам российского уголовного закона следует отнести отсутствие в УК РФ определения преступления против человечности. Из содержания норм УК РФ следует сделать вывод о том, что лица, совершившие преступления против человечности, будут привлекаться за совершение обычных уголовных преступлений, таких как убийства, причинение тяжкого вреда здоровью, терроризм и др. Полагаем, что это не совсем верно. Следует главу 34 УК РФ дополнить статьей, регламентирующей ответственность за преступления в отношении мирного населения и военнослужащих российской армии, осуществляющих специальную военную операцию на территории Украины.

Полагаем, что следует имплементировать нормы о военных преступлениях и преступных деяниях против человечности, в том числе и на территории Украины, в отечественное уголовное законодательство, применяя при этом анализ норм международного права, судебные акты международного уголовного суда по привлечению подсудимых к уголовной ответственности за совершение преступлений [6, с. 135].

Также необходимым представляется введение в УК РФ термина «военный конфликт» вместо термина «вооруженный конфликт». Военный конфликт следует рассматривать как форму разрешения возникающих межгосударственных и внутригосударственных противоречий с использованием вооруженных сил, принимающих участие в региональных, локальных войнах или вооруженных конфликтах.

Следует законодательно закрепить охрану личности раненых и больных лиц, медицинского персонала и духовных служителей, их прав и свобод; культурных ценностей, находящихся на оккупированной территории или в зоне военных действий. Реализовать данную регламентацию необходимо посредством расширения круга лиц и объектов, подпадающих под защиту во время вооруженного конфликта международного и немеждународного характера, а также путем снятия ограничений с зоны действия норм международного права, определяющейся только оккупированной территорией, внося необходимые изменения в ст. 356 УК РФ.

Резюмируя вышеизложенное, стоит отметить, что важнейшей целью деятельности Международного уголовного суда, как и российских судов общей юрисдикции, осуществляющих уголовное судопроизводство, является пресечение, профилактика международных преступлений и привлечение к уголовной ответственности лиц, совершивших преступные деяния, обладающие признаками международного характера. Они несут угрозу как национальной безопасности демократических государств, так и мировому правопорядку [7, с. 69].

Полагаем, что уголовное преследование международных преступников следует обеспечивать не только мерами, предусмотренными российским уголовным законодательством, но и путем усиления правового сотрудничества международных институтов уголовной юрисдикции.

СПИСОК ИСТОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Римский статут Международного уголовного суда от 17 июля 1998 г. // Дипломатический вестник. — 2000. — № 10. — С. 116–123.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 14.07.2022) // СЗ РФ. — 1996. — № 25. — Ст. 2954.
3. Курс уголовного права/под ред. Н. Ф. Кузнецовой и И. М. Тяжковой. — [в 5 т.]. Общая часть. Т. 1. Учение о преступлении : учебник для вузов. — Москва : ИКД «Зерцало-М», 2018. — С. 263.
4. Розенцвайг, А. И. Международное уголовное право : учебное пособие. — Самара : Изд-во Самарского университета, 2020. — С. 369.
5. Панов, В. П. Международное уголовное право: учебное пособие. — Москва: Инфра-М, 2017. — С. 189.
6. Лукашук, И. М. Современное право международных договоров. — Москва, 2020. — С. 225.
7. Каюмова, А. Р. Принцип комплементарности в системе принципов уголовной юрисдикции // Российский ежегодник международного права. — 2021. — С. 67–69.

Ivashkina O. A.

*Sochi branch of the All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia),
Sochi, Russia*

*Academic Supervisor: **Ratkov A. N.***

*Associate Professor of the Department of Criminal Law Disciplines,
Sochi branch of the All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia),
Sochi, Russia*

CORRELATION OF THE POSITIONS OF RUSSIA AND THE INTERNATIONAL CRIMINAL COURT IN THE LIGHT OF THE IMPLEMENTATION OF THE ROME STATUTE

This scientific article is devoted to the functioning of the International Criminal Court at the present time, it highlights the role of the International Criminal Court in the international criminal justice system. Attention is paid to the issues of Russia's implementation of the elements of crimes that are reflected in the Rome Statute, and, in general, bringing criminal legislation into line with the norms of international humanitarian law.

Key words: International criminal law, international criminal court, international crimes, war crimes, implementation, Roman status.

УДК 341

DOI 10.55346/27825647_2023_1_32

Гаджиев Х. И.

*заведующий отделом судебной практики и правоприменения,
Институт законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации,
судья Европейского суда по правам человека в 2003–2017 гг.,
доктор юридических наук, г. Москва, Россия*

© 2023

*Дата приема:
20.05.2022*

ПРАВО НА СПРАВЕДЛИВОЕ СУДЕБНОЕ РАЗБИРАТЕЛЬСТВО И ПРАКТИКА ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

Право на справедливое судебное разбирательство занимает настолько важное место в демократическом обществе, что Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ) неоднократно в своих решениях высказывался об отсутствии оснований для ограничительного толкования статьи 6 Европейской конвенции по правам человека. Благодаря гарантиям статьи 6 ЕСПЧ последовательно подчеркивает необходимость обеспечения в практике национальных судов принципов независимости и беспристрастности, состязательности и равенства сторон, презумпции невиновности. Данная норма настолько всеобъемлющая, охватывающая самые разные аспекты правосудия, что именно ей посвящены многие решения ЕСПЧ.

Ключевые слова: *права человека; Европейский суд по правам человека; ЕСПЧ; справедливое судебное разбирательство; судебное решение.*

В большинстве жалоб, поступающих в адрес Европейского суда по правам человека, заявители указывают на нарушения их прав по ст. 6 Европейской конвенции по правам человека (далее — Конвенция). Вместе с тем следует учесть, что гарантия справедливого судебного разбирательства относится к разряду процессуальных, предназначенных обеспечить в большей степени процессуальную справедливость. Суд интерпретирует требования справедливости не просто как необходимость баланса процессуальных возможностей между вовлеченными в процесс субъектами, но и как признание этого принципа отражением процессуального равенства сторон, состязательности. Он относится к Конвенции как к «живому инструменту» и постоянно обращается к динамичному толкова-

нию ее норм с целью развития института прав человека и повышения эффективности судебной практики.

Европейский суд по правам человека (далее — Суд), на наш взгляд, сыграл важную роль в области эволюции гражданского и уголовного судопроизводства по трем основным причинам. Во-первых, он всегда стремился правильно расставить акценты в сложной проблеме, суть которой — в существующих различиях систем права: континентальная система основывает свое процессуальное право на так называемой обвинительной модели, а не на состязательной, как это построено в системе общего права. В своих решениях Суд остро критиковал правовые системы Австрии, Бельгии, Франции, Германии, Италии за их общую черту — отсутствие беспристрастности, недостаточную транспарентность досудебной стадии и выполнение большинства процессуальных функций одними и теми же лицами на различных стадиях судебного разбирательства. Суд активно выстраивал новую «модель участия», которая должна занять свое место между двумя классическими формами. Изложенное напоминает нам сами процедуры, которыми руководствуется Европейский суд по правам человека, представляя собой классическое отражение двух ведущих правовых школ. Рекомендации ЕСПЧ не всегда воспринимаются странами, так как для их учета требуются фундаментальные изменения в судебной организации. Трудно представить, что повлияло, скажем, на решение Италии в начале 90-х годов прошлого столетия принять курс, предложенный ЕСПЧ, но здесь, думается, следует воздать должное Конституционному суду Италии [9]. Во-вторых, поскольку сама Конвенция не защищает беспрепятственное владение собственностью, Суд применил расширительное толкование процессуальной гарантии по ст. 6 Конвенции, восполнив пробел таким образом. Наконец, в-третьих, акцент Суда сделан на дальнейшем развитии процессуальных гарантий.

Начиная с 1970-х годов многие ученые и судьи вложили немало труда в дело развития процессуальных прав. Сегодня с этой общей тенденцией в области усиления эффективности защиты прав человека связано укрепление судебной власти. Ведущую роль в этом тренде продолжает играть ЕСПЧ. Но путь этот не простой и порой противоречивый.

Обратимся к позиции самого Суда, который считает, что право на справедливое судебное разбирательство должно сохранять свое практическое значение и быть эффективным.

Так, статья 6 §1 требует доступа к адвокату, как правило, с первого допроса подозреваемого полицией, если только не продемонстрировано в свете конкретных обстоятельств каждого дела наличие значимых причин для ограничения этого права. Даже если веские основания оправдывают отказ в доступе к адвокату в исключительных случаях, такое ограничение — независимо от оправдывающих причин — не должно наносить необоснованный ущерб правам обвиняемого в соответствии со ст. 6 Конвенции. В принципе права на защиту будут бесповоротно ущемлены, если компрометирующие показания, сделанные во время допроса в полиции без доступа к адвокату, использованы для вынесения обвинительного приговора (см. постановление ЕСПЧ по делу *Salduž v. Turkey*, § 55 [1]).

В данном постановлении Суд применил двухступенчатый тест анализа оценки ограничения доступа к адвокату: на первой, по мнению Суда, следует рассматривать убедительность причин, на второй — оценивать влияние ограничения на общую справедливость разбирательства. Позже, в деле *Beuze v. Belgium* [2], Суд отметил, что со времени дела *Salduž* судебная практика развивалась, и теперь он использует возможность еще раз подчеркнуть, что право на доступ к адвокату представляет собой один из основополагающих аспектов права на справедливое судебное разбирательство. Данное дело, по мнению Суда, позволяет уточнить, требуется ли физическое присутствие адвоката в ходе каких-либо допросов или иных следственных действий, осуществляемых в период содержания под стражей в полиции и предварительного расследования. Суд подчеркнул также, что одна из основных задач адвоката на этапах содержания под стражей в полиции и при проведении расследования заключается в обеспечении соблюдения права обвиняемого не свидетельствовать против себя. По мнению Суда, подпункт «с» пункта 3 ст. 6 Конвенции должен толковаться как гарантирующий право обвиняемых быть намеренно проинформированным о содержании права на юридическую помощь независимо от конкретных обстоятельств и возраста... Неспособность уведомить подозреваемого о таких правах в принципе не может быть оправдана. Однако если таковое случилось, то Суд должен рассмотреть, являлось ли производство по делу справедливым в целом. Суд, к сожалению, допустил, что в случае задержки доступа адвоката следственные органы сами могут уведомлять подозреваемого о всех правах.

Иными словами, в анализируемом деле Суд занял позицию, согласно которой право на справедливое судебное разбирательство сохраняется даже в ситуации, когда отсутствие веских оснований для ограничения права на доступ к адвокату (то есть отсутствие правомерной цели) совпадает с наличием общего и обязательного законодательного ограничения или полного отказа в праве на доступ к адвокату, даже если это происходит на критически важной стадии производства по уголовному делу (такой как первый допрос в полиции) и если такие показания используются для осуждения этого лица. По мнению Суда, все названные факторы могут быть уравновешены иными процессуальными гарантиями, и справедливость судебного разбирательства может быть сохранена. Между тем оставшиеся при особом мнении судьи обоснованно отметили нежелательность такого сдвига в сфере процессуальных прав, лежащих в основе принципа верховенства права.

С 1970-х годов прошлого столетия Суд также часто обращался к теме позитивных обязательств государств — членов Совета Европы по Конвенции. Он считал, что длительность разбирательства попадает в пределы таких обязательств, и возникают они из требований ст. 6 Конвенции. Представления справедливого судебного разбирательства требуют действий со стороны государства. Это означает, что каждое государство должно созидать свою судебную систему таким образом, чтобы обеспечить справедливое судебное разбирательство по гражданским и уголовным делам. В немецкой правовой школе этот институт называют организационными гарантиями (*Organisationsgarantie*). Такие гарантии должны быть установлены соответственно принципам национального права. Поэтому исследователи отмечают, что для выполнения своего обязательства по обеспечению справедливого судебного разбирательства государство должно принимать соответствующие законы.

Создание эффективной судебной системы предполагает не только ее надлежащую организацию, но и функционирование судов разных уровней. Требования Конвенции о справедливом судебном разбирательстве как раз и представляют собой необходимое условие (согласно ст. 6 Конвенции), и оно касается разумных сроков рассмотрения дел. К сожалению, не все страны выдерживают такой стандарт, который, заметим, особенно важен с точки зрения содержания и целей отправления правосудия. Поэтому Суд, как он это сделал в постановлении по делу *Bottazzi v. Italy* [7], систематически подчеркивает обязанность государства организовывать судебную систему таким образом, чтобы она отвечала требованию реализации правосудия в пределах разумных сроков. Если обратиться к опыту многих стран, в том числе Российской Федерации, можно отметить усилия не просто установить в законодательстве компенсирующие меры в ответ на длительность процедур, но и на практике организовывать свою судебную систему способом, направленным на укрепление демократического правопорядка.

Суд уделяет значительное внимание вопросам, которые переплетаются с личным участием в судебных процессах. Данная проблема имеет большое значение и для судебной практики государств, ратифицировавших Конвенцию. Некоторые постановления Суда фактически сосредоточены на двух стадиях: досудебной, когда обвиняемый должен иметь достаточные ресурсы (к примеру, время, информацию) для обоснования своей защиты, а также судебной — когда поддержание традиционных процессуальных прав может усугубиться проблемой последствий заочного осуждения обвиняемого. Важно подчеркнуть, что гарантии статьи 6 Конвенции применяются не только в судебном разбирательстве, но и в стадиях досудебных, поскольку они относятся также к следственным действиям. По мнению бывшего президента Европейской комиссии по правам человека Стефана Трекслея, статья 6 применяется к досудебной стадии относительно всех процессуальных шагов, которые имеют прямое отношение к решению по существу дела и определяют полицейское расследование как момент, с которого должны начаться эти гарантии [11].

Следует отметить, что статья 6 §3 (с) предусматривает каждому обвиняемому в совершении уголовного преступления право защищать себя лично или через посредство выбранного им защитника, а пункты (d) и (e) — право допрашивать свидетелей, показывающих против него, а также пользоваться услугами переводчика. К числу знаковых можно отнести постановление Суда по делу *Colozza v. Italy*, в котором Суд интерпретировал положения статьи 6 Конвенции [3], отметив, что, хотя личное участие не называется специально в §1 статьи 6, объект и цель данной статьи, взятые в целом, показывают, что обвиняемое в уголовном преступлении лицо имеет право принимать участие в слушаниях дела; осуществление прав, перечисленных в п. (с), (d) и (e), трудно представить себе без личного присутствия обвиняемого. Следовательно, Конвенция предусматривает личное участие в судебном разбирательстве как составную часть права на защиту, то есть право любого лица, обвиняемого в уголовном преступлении, на справедливое судебное разбирательство. Как видно, названная гарантия не является явной, но предполагает, что личное участие является предварительным условием для пользования минимальными правами, указанными в статье 6 §3 Конвенции.

В другом решении Суд отметил, что наличие в национальном законодательстве права быть осужденным заочно должно отвечать определенным требованиям: во-первых, лицу следует знать о самом судебном разбирательстве и соответствующих обвинениях против него. Во-вторых, отказ от осуществления гарантированного Конвенцией права должен быть установлен с достаточной определенностью, и при этом должно быть подтверждено, что лицо предвидело последствия собственного выбора. Суд в деле *Hakansson and Sturesson v. Sweden* подчеркнул, что выбор обвиняемого, отказавшегося от личного участия в судебном разбирательстве, не должен противоречить неотразимым общественным интересам [8]. Вместе с тем, если обвиняемый намеренно хочет отказаться от права на участие в разбирательстве, государства в национальном праве могут предусмотреть соответствующие санкции: крайне важно, чтобы обвиняемый явился, как с учетом его права на участие в слушаниях, так и из-за необходимости проверить точность его заявления и сравнить его с показаниями потерпевшего, чьи интересы необходимо защищать, как и свидетелей. Таким образом, законодатель должен иметь возможность препятствовать неоправданному отсутствию обвиняемого [10, с. 114]. В то же время государства вправе рассматривать в национальном праве неявку обвиняемого в качестве отказа от права и провести заочное судебное разбирательство.

В отношении апелляционных слушаний, Суд принял более ограничительный подход, постановив, что не всегда требуется участие обвиняемого при условии, что в суде первой инстанции проводились публичные слушания. Это означает, что разрешение на апелляцию и апелляционные слушания не обязательно потребует присутствия заявителя, хотя это будет частично зависеть от той роли, которую играет в государстве апелляционный суд. В деле *Ekbatani v. Sweden* Апелляционный суд был призван рассмотреть дело с точки зрения фактов и права и окончательно решить вопрос о виновности или невиновности. Апелляционный суд решил, что с учетом обстоятельств дела «этот вопрос не может, с точки зрения справедливого судебного разбирательства, быть надлежащим образом определен без непосредственной оценки доказательств, данных в отношении лица заявителем, который утверждал, что не совершал деяния, рассматриваемого в качестве преступления». Соответственно, повторное слушание Апелляционным судом обвинительного приговора, вынесенного в отношении заявителя судом первой инстанции, «должно было включать полное повторное разбирательство дела заявителя и истца» [4].

Право обвиняемого присутствовать в суде, возможно, более точно выражается как право участвовать в исследовании доказательств. Хотя Суд, похоже, признает это не с такой очевидностью. Важность присутствия обвиняемого становится явным из акцента того, имеет ли суд возможность исследовать факты или доказательства, а не просто закон [10, с. 117]

Еще на одном аспекте статьи 6 Конвенции хотелось бы остановиться подробнее, и связан он с весьма важным вопросом о статусе судей. Суд неоднократно обращался к этой теме, в особенности в рассмотренных недавних делах [5]. По смыслу статьи 6 §1 Конвенции в истолковании, данном Судом, в любом случае суд должен быть «создан на основании закона», что означает приверженность верховенству права. Очевидно, что орган, учрежденный не на основании закона, будет лишен легитимности, необходимой в демократическом обществе для рассмотрения дел

различных юрисдикций. Суд в своей практике выработал критерии такого трибунала, который, по его мнению, не обязательно должен называться судом, но обязан соответствовать им. Некоторые из этих правил содержатся в ст. 6 Конвенции: независимость, беспристрастность. Другие выведены из нее на основе интерпретации: продолжительность срока полномочий судьи; наличие гарантий, обеспечиваемых судебной процедурой; тот факт, что решение судебного органа не может быть отменено органами исполнительной власти. В последнем из упомянутых дел Суд, оценивая обстоятельства в целом, посчитал, что нарушение законодательства произошло в результате несоблюдения принципа разделения властей, поскольку рекомендация для определения судей в дисциплинарную палату для назначения главой государства была возложена на Национальный совет правосудия, которому не хватало достаточных гарантий независимости от законодательной и исполнительной власти. Изложенное, по мнению Суда, несовместимо с требованиями статьи 6 Конвенции и влияет на весь процесс, в том числе легитимности суда, состоящего из назначенных таким образом судей.

Судебный диалог — относительно новый термин, часто используемый, но не имеющий точного правового определения. Строго говоря, этот термин не является исключительно юридическим, а больше описывает поведение судов в процессе транснациональной передачи понятий. Это своего рода взаимосвязь судов различных уровней: общих, конституционных и международных, принимающих во внимание национальное и международное право и практику их применения. Диалог означает выстраивание отношений с другим правовым порядком, размышление об избранном методе толкования правовой нормы, который будет применяться в дальнейшем. Можно сказать, что это беседа с законом и интерпретатором, представляющих различные правовые культуры. В этой парадигме особое место занимают фундаментальные гарантии справедливого судебного разбирательства. Научные исследования же, на наш взгляд способствуют углубленному анализу такого взаимодействия правовых систем и укреплению эмпирической основы как залога поддержания доктринальной эволюции права.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Постановление ЕСПЧ от 27 ноября 2008 г. *Salduz v. Turkey*.
2. Постановление ЕСПЧ от 9 ноября 2018 г. *Beuze v. Belgium*.
3. Постановление ЕСПЧ от 12 февраля. *Colozza v. Italy*, 1985 г., § 27.
4. Постановление ЕСПЧ от 26 мая 1988 г. *Ekbatani v. Sweden*.
5. Постановление ЕСПЧ от 1 декабря 2020 г. *Gudmundur Andri Ástráðsson v. Island*.
6. Постановление ЕСПЧ от 22 июля 2021 г. *Reczkowicz v. Poland*.
7. Постановление ЕСПЧ от 28 июля 1999 г. *Bottazzi v. Italy*.
8. Постановление ЕСПЧ от 15 июля 1987 г. *Hakansson and Sturesson v. Sweden*.
9. Fiori, B. M. *Disclosure of information in criminal proceedings*. — Wolf Legal Publishers, 2015. — P. 57.
10. Sarah Summers. *Fair trial*. Oxford and Portland, Oregon, 2007. — P. 114.
11. Trechsel, S. *Human Rights in Criminal Proceedings*. Published to Oxford Scholarship, 2006. — P. 32.

Gadjiev H. I.

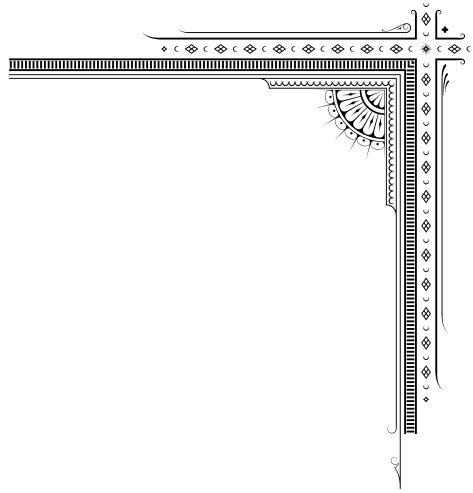
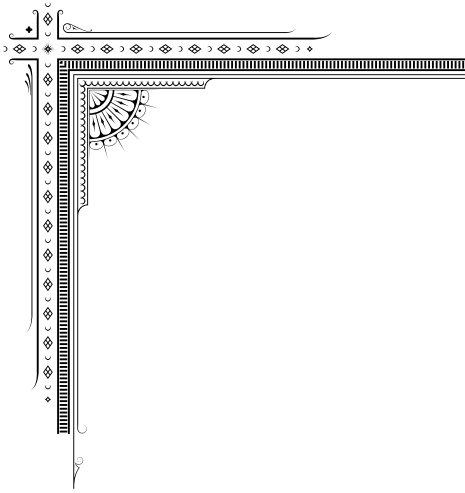
*Head of the Judicial Practice and Law Enforcement Department,
The Institute of Legislation and Comparative Law
under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia*

THE RIGHT TO A FAIR TRIAL AND THE PRACTICE OF THE EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS

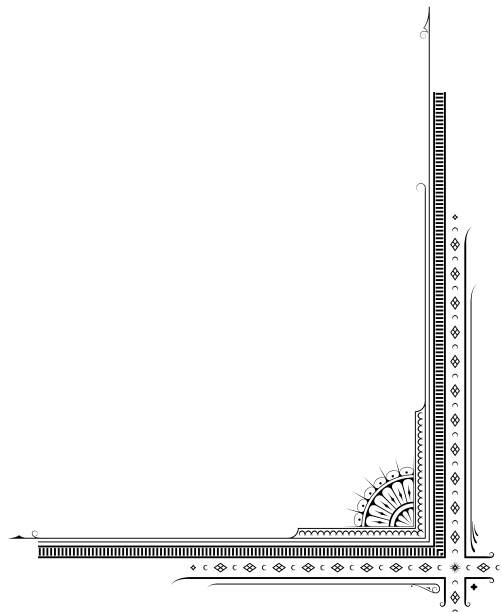
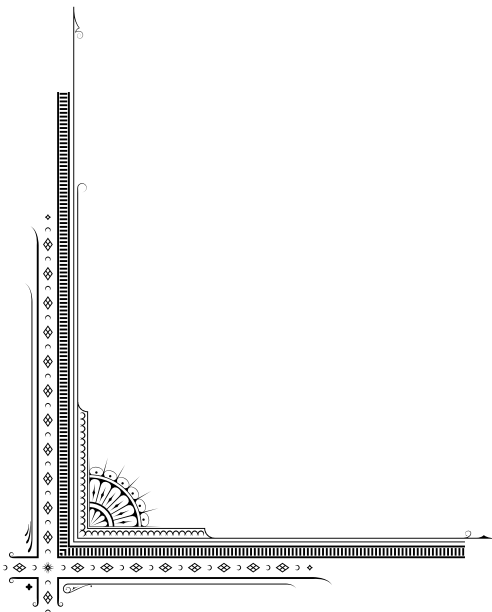
The right to a fair trial occupies such an important place in a democratic society that the European Court of Human Rights (ECHR) has repeatedly stated in its decisions that there are no grounds for a restrictive interpretation of article 6 of the European Convention on Human Rights. Thanks to the guarantees of article 6, the ECHR consistently emphasizes the need to ensure in the practice of national courts the principles of independence and impartiality, competitiveness and equality of the parties, the presumption of innocence. This rule is so comprehensive, covering a variety of aspects of justice, that many decisions of the ECHR are devoted to it.

Key words: human rights; European Court of Human Rights; ECHR; fair trial; judicial decision.

Секція
**«ЛИНГВІСТИКА, ФІЛОЛОГІЯ,
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕННЯ»**

УДК 81'38

DOI 10.55346/27825647_2023_1_40

Березуцкая К. А.

*студентка 2 курса направления «Зарубежная филология»,
Институт филологии, журналистики
и межкультурной коммуникации,
Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия*

© 2023

*Дата приема:
08.08.2022*

Научный руководитель: Джумайло О. А.

*заведующий кафедрой теории и истории мировой литературы,
доктор филологических наук, доцент,
Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия*

ПРЕДМЕТНЫЙ МИР КАК РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ УТРАТЫ В РОМАНЕ АЛИ СМИТ «ОТЕЛЬ МИР» (2001)

В статье рассматривается предметный мир повести Али Смит «Отель мир» в связи с его ролью в качестве художественного средства выражения психологии утраты. Предлагается классификация персонажей романа в зависимости от форм репрезентации горевания, способности к сопереживанию и разделенности болезненного опыта с Другим. Особое внимание уделяется отдельным предметам, выступающим знаками связи между персонажами, символами переживания конечности существования и продолжения жизни.

Ключевые слова: Али Смит; Отель мир; повесть; предметный мир; тема утраты.

Популярная шотландская писательница Али Смит, романы которой не раз были удостоены престижных литературных наград, получила признание в России благодаря своему «сезонному» циклу произведений «Осень», «Зима», «Весна», «Лето». Однако в Европе, США и Великобритании о ней известно также как об авторе повестей, среди которых «Отель мир», «Случайно», «Ирония жизни в разных историях». Смит выступает и в качестве проницательного литературного критика The Scotsman и Times Literary Supplement. Резонансная фигура в современной шотландской литературе и продолжательница модернистских экспериментов Али Смит [1] — автор, до сих пор малоисследованный в России.

В особенности интересна ее новаторская в плане исследования психологии утраты повесть «Отель мир», вошедшая в шортлист Букеровской премии. При этом в фокусе внимания исследователей оказываются и другие темы. Так, в работе Майкла Пея «Регулирование желания: природа истощения в романе Али Смит «Отель мир» и «Рассказах из торгового центра» Юэна Моррисона» [2] предметный

мир повести Смит указывает на недостатки капиталистического общества. История Же, в частности эпизод в ванной, когда девушка рассматривает бутылочки, стоящие в комнате, а перед уходом открывает краны с водой, провоцирует следующий вывод исследователя: «Же, “несчастливая” при виде такой роскоши, отмечает, что эксплуатацию на фабрике можно сравнить с присвоением свободных природных ресурсов (например, воды), которая течет из кранов» [2, с. 7]. Таким образом, вся роскошь в отеле — это труд тех, кому эта роскошь не по карману, а иллюзия свободного доступа к ресурсам, которую дают краны, газопровод, губительна для экологии. Что же касается истории Сары, автор делает вывод о том, что дома пригорода и близкое соседство в условиях бедности вынуждают героиню стыдиться своих чувств: «Здесь, патриархат и гетеронормативность воплощены в динамике пригородов, поскольку многочисленные меры регулирования вынуждают субъектов скрываться от взгляда других» [2, с. 5]. Пей демонстрирует как гетеронормативность и материальные ценности капиталистического мира упраздняют любовь, сострадание и помощь слабым.

Иная логика интерпретации повести содержится в статье «“Обратите внимание на разрыв”: страх и травма в повести Али Смит “Отель Мир”» Джеммы Лопез Санчез [3]. Исследователь обращает внимание на феномен «лакун», которым дается следующее определение: «... это то, чего на самом деле нет, чего и не должно быть, что должно исчезнуть; это то, что отброшено, что нужно выкинуть» [3, с. 47]. Среди лакун: изображение тишины, акцент на пробелах, искаженных словах или ошибках в них. По мнению автора работы, именно лакуна или минус-прием позволяют пережить травму потери близкого человека: «Лакуна несет в себе ужас, отторгаемый субъектом, ибо он не желает признавать его частью себя» [3, с. 48]. Иными словами, когда с человеком происходит что-то страшное (например, потеря близкого человека), его психика не способна справиться с этим опытом, отсюда и возникает лакуна. Как утверждает Санчез, все, кто переживает потерю Сары, обнаруживают в своем сознании характерные лакуны.

Тем не менее, на наш взгляд, в изображении психологии утраты большое значение имеют не только лакуны, но и спектр знаков косвенного психологизма — выборка объектов предметного мира, благодаря которой также можно проследить реакцию разных героев на смерть Сары.

В целом всех героев романа можно разделить на две группы в зависимости от того, как они переживают этот опыт: кто-то проходит этот путь обособленно, отгораживаясь от остальных, пряча свои чувства; кто-то, напротив, ищет утешения, стремится разделить свои чувства с ближними.

Так, например, на похоронах отец героини пытается выполнять рутинные обязанности, обслуживая гостей: «The man made tea and cleared dishes. All afternoon while tea was being drunk or was skinning over he collected up cups on a tray and went through to the kitchen, filled a kettle and made more tea, brought cups back again full of it»¹. Однако в конце этого описания автор дает нам все же понять, что герой совсем не так легко переживает случившееся, как кажется на первый взгляд: «In the kitchen he stood, opened a cupboard door, took nothing out of the cupboard, shut the

¹ Здесь и далее цитирование выполнено по электронному изданию: Smith, Ali. *Hotel World*. Anchor Books, 2002. — eISBN: 978-0-307-80197-5, iBooks [4].

door again». Этим минус-приемом автор дает понять читателю, что он так же, как и все остальные, переживает горе, но, в отличие от других членов семьи, он прячет свои чувства глубоко внутри. Далее мы видим, как после похорон он выбрасывает оставшийся кусочек лосося, который еще пригоден в пищу: «It was a waste. He could have kept it. They could have eaten it later or tomorrow and it would have tasted as good, better» — рассуждает об этом сама Сара (ее дух, незримо присутствующий во время похорон). В то же время мы отчетливо понимаем, что ни завтра, ни в какой-либо другой день он не мог бы съесть эту рыбу, потому что ему не хотелось сохранять воспоминания ни об этом дне, ни о событии, случившемся с их семьей. Другой яркий пример — это то, как мужчина обращается с вещами, оставшимися от дочери. Он отдает ее кровать другим людям, выбрасывает всю одежду, которую находит, и снимает ее плакаты со стен. А поскольку от них остаются следы, ему даже приходится переклеивать обои.

В этом контексте роль эпизода, в котором Клэр, сестра погибшей девушки, приносит обратно домой все ее награды, достав их из мусорного бака, особенно показателен. Отец бурно реагирует на этот поступок: «... he went fucking mad ballistic he was a man needing a lobotomy put them back outside I'm warning you I won't tell you twice Clare right now put them back outside...». Ему отнюдь не хочется забыть о дочери, но воспоминания о ней доставляют ему нестерпимую боль, именно поэтому он не желает видеть ничего, что напоминало бы ему о ней. Его чувства описывает сама Сара, когда является ему в виде призрака: «The father pretended he couldn't see. The more he saw, the more he looked away». По ее словам, отец строит стену, отгораживаясь от нее: «A wall crept inches higher from his shoulders round his head; every time I came he added a new layer of bricks to the top of it». Тем не менее девушка характеризует эту стену как «badly bricklaid» и «dangerously unbalanced».

Иначе ведет себя мать Клэр. «The woman was the saddest. She sat in a chair and the unspoken words which hung round her head said: although this is my home where I have lived for twenty-two years, and in it I am surrounded by family and familiar things, I do not rightly know any more where it is that I am in the world» — описывает Сара ее во время похорон. Женщина не прячет свои чувства, не пытается жить, будто ничего не произошло, как это делает ее муж. Напротив, она искренне скорбит и не знает, как жить дальше: «... our mum not our only my completely out of it going round like she's a ghost herself all the time getting that stuff from the doctor to help her ami or mazi something...». Мы видим человека в глубокой депрессии, который не может самостоятельно справиться со своими эмоциями: «It made her cry, made her miserable, jumpy and fearful».

Помимо всех перечисленных средств изображения, в романе большую роль играет голос повествователя. Статья Эммы Смит «“Демократия голоса”? Повествующее сообщество в романе Али Смит “Отель мир”» [5] посвящена этому средству выражения внутреннего мира героев: «В отличие от «голоса» Сары, который обращается извне (из потустороннего мира), повествование Клэр направлено вовнутрь» [5, с. 94]. Состояние Клэр передано посредством внутреннего монолога, который не имеет адресата. Далее автор добавляет, что девушка говорит, используя исключительно первую часть сложного предложения, постоянно начиная с союза «поскольку» («since»). «Эта техника открытой концовки связана с названием, она

выражает в текстовом виде ощущение разрыва, присущее Клэр, вызванное тем, что жизнь Сары прервана, ее будущее теперь в прошлом» [5, с. 94]. Иными словами, этот синтаксический прием обрывания предложений отображает ощущение Клэр внезапно оборвавшейся жизни Сары. Автор также отмечает диалог, в котором находятся голоса сестер, «не осознавая того, голоса сестер перекликаются, повторяя и объясняя друг друга» [4, с. 94]. Таким образом, при помощи голосов сестер изображается незримая связь между ними, которая проявляется в том, как, например, Клэр отвечает на вопросы Сары о ее смерти. Тем не менее эта связь становится очевидной и на материальном уровне.

Рассмотрим историю скорби Клэр подробнее. При описании ее во время похорон, Сара говорит о «вызванным гневом надломе», который она видела на теле девочки: «She had a fracture of anger starting under her yellow hairline, crossing her forehead and running right down the middle of her face, dividing her chin, her neck, her chest, all the way to her abdomen where it snarled itself into a black knot. This knot only just held the two halves of her together». Так мы понимаем, что гибель сестры — это огромное испытание для психики ребенка, которое нам предстоит пройти вместе с ней. Еще одно яркое описание ее чувств можно увидеть, когда сестра является ей: «But the sister drained me with a terrible thirst. I couldn't appear enough for her. With the trophy, with the red lights coming out of my face, with the passport smile, with the laughing things unsaid». Сара говорит о том, что именно эта «трещина» пожирала ее, причем ее жажда не утихала с течением времени: «Every face I made drained and disappeared into the fracture that ran the length of her body. Summer passed, autumn came and she was still dark with thirst».

Нельзя не отметить также и то, что эта скорбь находит отражение в названии главы. Первая глава, в которой звучит голос самой Сары, называется «Past». В ней мы слышим голос умершей девушки, именно поэтому он звучит из прошлого. Глава, в которой читатель слышит голос ее сестры Клэр, называется «Future in the past». Это название отражает, с одной стороны, продолжение Сары в своей сестре (прошлое, которое перетекает в будущее), а с другой стороны, тот факт, что Клэр застряла в прошлом, она зациклена на смерти своей сестры, отказываясь проживать свою жизнь и наслаждаться отмеренным ей временем. Действительно, Клэр каждый день приходит к отелю, причем, когда она говорит об этом, ее мысли путаются, она не сразу понимает, зачем она это делает: «I didn't know where else to I don't know why I just wanted to know something». Но затем она признается: «I think you were going to come back again going to just appear out of nowhere round a corner waving saying hi thought I was dead didn't you well no I've been here the whole time hanging around I've hired a room I live here now had you all worried didn't I well of course I knew fucking nothing like that was going to happen». В отличие от своих безутешных родителей, в девочке все-таки есть желание жить дальше, некая надежда. Так, ее голос постоянно вещает о каких-то по-детски наивных вещах: например, продолжая рассуждение о том, почему же она все время сидела у отеля, она говорит о том, что ее сестра, будучи мертвой, вряд ли предстанет перед ней в нормальном виде («just wearing her cardigan like normal»), ей на ум приходят образы вампиров или явлений полтергейста («weird & scary moaning on about revenge»).

Немаловажен образ книги, с которой она сравнивает событие, случившееся с ее сестрой. Она говорит о книге, которая внезапно для нее заканчивается, а дальше идут лишь пустые страницы, и далее добавляет: «... you know for sure that when you picked this book up it wasn't like that it was like a normal book & had an end a last chapter a last page all that...». Мы понимаем, что книга в данном случае символизирует не только жизнь Сары, но и ее собственную жизнь, ведь, как уже было сказано, с момента гибели девушки, Клэр будто тоже перестала жить.

Именно на этом строится связь двух сестер. Как известно, до смерти Сары, девушки были не столь близки: «... usually she never told me anything she never usually said anything to me about anything...». Однако после кончины Сары между сестрами устанавливается прочная связь. Клэр буквально перестает проживать свою жизнь, более того, она как будто хочет дать прожить сестре еще какое-то время. Рассмотрим важный эпизод сюжета: Клэр страстно желает засечь время падения Сары в лифте. Для этого девочка даже переодевается в оставшуюся от сестры форму горничной и приходит в отель под видом работницы. В то же время, в самом начале, когда мы слышим голос самой Сары, она говорит: «I would like very much to know how long it took, how long exactly, and I'd do it again in a minute given the chance, the gift of a chance, the chance of a living minute, sixty whole seconds, so many». Для Сары ее падение — самое яркое событие в жизни, именно этот миг она хочет пережить еще раз. В то же время Клэр пытается дать ей эту возможность, для этого она и приходит в отель.

Еще один пример установившейся связи — пыль, оставшаяся под кроватью Сары. Для умершей девушки пыль — это след жизни, ведь она состоит из волос, частиц кожи, паутины, частиц насекомых. «Beautiful dirt, grey and vintage, the grime left by life» — описывает она пыль. В то же время Клэр собрала пыль под кроватью своей сестры в платочек и положила ее в ящик. Так девочка объясняет свой поступок: «... maybe it came off you Sara it is possible like when your skin peels off in summer maybe I have some of her skin from spring 1999 in the top drawer...». Опять же она пытается дать сестре жизнь, сохранив пыль, в которой есть частицы ее кожи.

Более того, Сара много рассуждает о кроватях, для нее они также являются свидетельством жизни: «all the people with their beating hearts, sliding into spaces left empty for them by other people gone now to God knows where, who warmed the same spaces up only hours before». Клэр, в свою очередь, недовольная тем, что родители вынесли из дома кровать ее погибшей сестры, обращается к Саре: «if you put your hand down & feel you can feel the dips where the feet of the bed were», вновь стараясь дать возможность девушке почувствовать себя живой.

Еще один яркий пример проявления связи между сестрами — это то, как Сара забывает какие-то слова в силу того, что ее все больше затягивает в небытие. Так: «Imagine cold butter disappearing into heated-up bread, gold on its surface, going. There is a word for heated-up bread. I know it. I knew it. No, it's gone» — рассуждает девушка, забыв слово тост. В то же время ее сестра, обращаясь к ней, говорит: «when I eat a piece of toast it is slowly so I will remember for you what it tastes like first the burnt taste then the taste where the butter has melted in & the jam taste like tonight then the tougher taste when you get to the crust». Так, она обещает не просто сохранить для нее вкус

тоста с маслом, о котором так ностальгирует Сара, но и добавляет туда джем, более того, далее девочка обещает жевать абсолютно всю еду медленнее, чтобы прочувствовать вкус как можно лучше и передать его сестре.

Тем не менее, один вечер, когда девочка идет в отель, чтобы измерить время падения своей сестры в лифте, многое меняет. После того, как она бросает один кроссовок в шахту, она начинает плакать, чувствуя всю глубину горя утраты. Она признается, что для нее не важно, совершила ли ее сестра это намеренно или это был несчастный случай, куда важнее, что ее Сары больше нет: «... one minute she'd been there right there on the exact same spot where I was and the next she wasn't...». С этих слов начинается освобождение Клэр, начало ее собственной жизни и принятие смерти сестры как факта. Нельзя не отметить, что это изменение бы не случилось, если бы не помощь других людей, скорбевших о Саре так же, как она. Первой, кто пришел на помощь девочке, была работница отеля. Лайз регулярно видела, как Клэр сидела на улице, и хотела помочь ей. В тот вечер Клэр боялась, что, когда Лайз обнаружит ее в отеле рыдающей у разрушенной стены и посреди множества монет, оставшихся от Же, та просто ее выгонит или вызовет полицию. Тем не менее девушка пошутила: «... she said it looked like the wall was a giant slot machine & that I had hit the jackpot». Именно эта шутка помогла Клэр успокоиться и довериться девушке: «that kind of made me want to laugh».

Следующий человек, который помог Клэр, был Данкан — работник отеля, который был с Сарой, когда та забралась в лифт для посуды. Он дал девочке новые кроссовки взамен тех, что были на ней. Образ обуви здесь также символичен. Один кроссовок Клэр бросила в шахту, как бы пытаясь вернуть своей сестре жизнь, засечь время падения. Далее, она получает новые кроссовки, которые можно рассматривать как образ ее новой жизни. Позже, уже по пути домой, Клэр скажет о них: «... in the new Nikes the ground felt different».

Следующий важный эпизод — когда Лайз заказывает ей большой завтрак, в котором было так много еды, что работники отеля тоже смогли угоститься. «I couldn't eat it all people kept saying come on more you can do it it was really nice people kept patting my back like they knew me or they'd known me for ages or something». Нельзя не отметить, что все три эпизода, описанные выше, пропитаны любовью и сочувствием. Именно эти чувства посторонних людей позволили Клэр начать жить своей жизнью и «отпустить» Сару. Очевиден посыл автора: нужно любить других людей, соперничать им, — это единственно возможный путь переживания утраты.

В конце этого дня Лайз провожает Клэр до дома. Узнав, что Клэр мало спит, он говорит, что было бы неплохо иметь возможность отправлять в конвертах часы своего сна другому человеку, подписывая письмо: «saw-these-hours-&-thought-of-you». Клэр же рассуждает, продолжая эту мысль, о том, что в таком случае кто-то прислал в этот вечер ей минутку утешения, подписав письмо: «saw-this-minute-&-thought-of-you». Далее она говорит: «reading the book & the story suddenly stopping because actually though it looked like it had stopped it hadn't it went on». Мы видим повторение образа внезапно оборвавшейся книги, только на этот раз после данного вечера книга Клэр все же получает свое продолжение. Так читатель может сделать вывод о том, что сестра Сары получает первый толчок к возвращению к своей

обычной жизни. Очевидно, ей предстоит пройти еще долгий путь; вероятно, эта травма так и не уйдет из ее жизни, но то утешение, которого ищет каждый, кто потерял близкого, здесь передано как раз через материальный образ записки с указанием времени.

Наконец, нельзя не упомянуть девушку из лавки с часами, в которую влюбляется Сара с первого взгляда. Смерть не дает ей выразить свои чувства, но девушка догадывается обо всем и не хочет брать плату за ремонт часов: «This promise of good time over the stressed temporalities of contemporary capital, and the rejection of exchange value for love, gestures towards a different future to the on-demand desire of hotel experience, as springtime imagery at the end of the novel invokes the possibility of new human and extra-human growth». Если для Майкла Пея этот поступок — свидетельство отказа от капиталистической купли-продажи, выхода за рамки системы, то для нас — знак незримой связи между персонажами: «She straps her watch to her wrist. It is not her watch. It belongs to someone else, a customer». Так, с одной стороны, сестра Сары Клэр пытается засечь время падения сестры, отвечая на ее призывы «Time me», а с другой — девушка из лавки буквально носит на себе «время» Сары.

Заключение

В повести «Отель мир» предметный мир становится выражением сложных психологических реакций персонажей романа на ситуацию утраты, таким образом заполняя «лакуны» невыразимого в словах травматического опыта. Материальные предметы включают личные вещи погибшей Сары, которыми распоряжаются по-разному: отец стремится подавить невыносимую боль утраты, избавляясь от вещей погибшей дочери; Клэр собирает пыль у сестры под кроватью и бросает кроссовки в шахту лифта, безотчетно стремясь воплотить Сару; а девушка из лавки часовщика решает носить часы Сары. Кроме того, важно и то, что переживание смерти близкого человека может вести к разобщению в горе и чувству самоутраты (отец и мать Сары), но, будучи разделенным с другими, позволяет хранить память об ушедшем человеке и продолжить жизнь тем, кто скорбит (Клэр). Наконец, девушка из лавки с часами и Клэр способны установить особую связь с Сарой. Во всех случаях маркером этой связи выступает предмет.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. British Council. Literature [Электронный ресурс]. — URL: <https://literature.britishcouncil.org/writer/ali-smith> (дата обращения: 16.03.2022). — Текст электронный.
2. Paye M. Regulating Desire: The Nature of Exhaustion in Ali Smith's Hotel World and Ewan Morrison's Tales from the Mall // *Humanities*. — 2019. — № 8 (51). — 13 p.
3. Sánchez G. L. 'Mind the Gap': Powers of Horror and Trauma in Ali Smith's "Hotel World" // *Atlantis*. — 2010. — Vol. 32; № 2, December. — Pp. 43–56.
4. Smith Ali. *Hotel World*. Anchor Books, 2002. eISBN: 978-0-307-80197-5, iBooks.
5. Smith E. E. "A Democracy of Voice"? Narrating Community in Ali Smith's Hotel World // *Contemporary Women's Writing*. — 2010. — № 4 (2). — Pp. 81–99.

Berezutskaya K. A.

*Bachelor`s degree student, the English Philology Department,
Institute of Philology, Journalism and Cross-Cultural Communication,
Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia*

Academic Supervisor:

Dzhumaylo O. A.

*Chairperson of the Comparative Literature Department,
Institute of Philology, Journalism and Cross-Cultural Communication,
Southern Federal University, Doctor of Letters, Associate Professor, Rostov-on-Don, Russia*

THE MATERIAL WORLD AS A REPRESENTATION OF LOSS IN HOTEL WORLD (2001) BY ALI SMITH

The article examines the material world of Ali Smith's novel "Hotel World" and its role as the means of expressing of the psychology of loss. The classification of the characters is proposed on the basis of specific representations of grief, the ability to feel sympathy and to share painful experience with the Other. Particular attention is paid to individual objects as signs of connection between characters, symbols of experiencing the finitude of existence, and the continuation of life.

Key words: Ali Smith; Hotel World; novel; the material world; the psychology of loss.

УДК 81'25

DOI 10.55346/27825647_2023_1_48

Николаев С. Г.

доктор филологических наук, профессор,
заведующий кафедрой английской филологии,
Институт филологии, журналистики и межкультурной коммуникации,
Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

© 2023

Дата приема:
01.06.2022

Ведерникова В. Д.

студентка выпускного курса бакалавриата,
Институт филологии, журналистики и межкультурной коммуникации,
Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

ПРАГМАЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ БИЛИНГВЕМ В ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ («Leaves of Grass» У. Уитмена и «Листья травы» в переложении К. И. Чуковского)

Настоящая статья посвящена проблеме сохранения прагмалингвистического потенциала билингвемы при ее интерпретации языковой личностью переводчика в языке перевода. Целью исследования является анализ возможных психолингвистических факторов, которые обуславливают применение переводческих трансформаций в адаптации билингвемы в иной лингвокультурной действительности и позволяют утверждать о наличии в текстовом пространстве уникального идиостиля переводчика.

Ключевые слова: билингвема; прагмалингвистический потенциал; психолингвистические факторы интерпретации; язык перевода.

Введение

Сегодня вопрос о сохранении изначального лингвопрагматического потенциала художественного текста при его межъязыковом переложении (переводе) актуализирован спорами о допустимой степени вольности со стороны переводчика, который признается языковой личностью, равновеликой автору оригинального поэтического текста.

Так, первые сомнения в непреложности параметра эквивалентности при переводе художественных текстов связывают с работой немецкого философа Х.-Г. Гадамера “Wahrheit und Methode” (см. русский перевод: [4]). Дальнейший отход от ориентации на эквивалентность результата оригиналу породил взгляд на процесс перевода как на явление культурного трансфера, при котором главное для понимания нового, переводного текста заключено в его способности органически войти в новую культурную среду и свободно функционировать

в ней (М. Снелл-Хорнби [13]; Дж. С. Холмс [9]). В этой же связи см. работу С. Г. Николаева [7].

Изучение соотношения между переводным и оригинальным текстами не только на лингвистическом, но и на прагматическом уровнях становится следующей ступенью в теории антропоцентрической лингвопрагматики как отрасли общей лингвистики, поскольку позволяет выделить новые возможные аспекты и критерии адекватного и эквивалентного перевода, но уже принципиально с позиций текстовой лингвопрагматики.

В связи с таким относительно новым взглядом на феномен художественного перевода особый интерес представляют пути и способы межъязыковой передачи билингвем. Билингвема текста — это минимальная принципиально внеуровневая единица выражения, чье присутствие делает художественную речь двуязычной. Билингвема может быть представлена в тексте как однобуквенной иносистемной аббревиатурой, так и завершенным высказыванием на иностранном языке, т. е. это текст внутри текста или текст в макроконтексте творчества автора [6, с. 89]. Предметом отражения билингвемы, соответственно, является инокультурная реалья через именование «отдельных предметов, понятий, явлений быта, культуры, истории конкретного народа или страны» [3, с. 16].

В русских поэтических текстах иноязычие может оформляться двояко: в исконной алфавитной системе, какой в большинстве случаев выступает латиница, редко греческий алфавит, и метаграфически, т. е. в кириллической буквенной системе [6, с. 90]. Чаще используется метаграфический способ передачи, т. е. переход с латиницы на кириллицу, поскольку русская переводческая традиция в основном нацелена на адаптацию иноязычия к реалиям собственной лингвокультурной действительности. Так, среди практических лингвистов-переводчиков нет единого мнения об универсальной стратегии межъязыковой передачи билингвемы; как результат, сталкиваясь с иноязычием, переводчик всегда оказывается перед выбором — переводить ли билингвему описательно или перенести ее в иноязычный текст без изменений, насколько это уместно в данном контексте, и не исказит ли такой переводческий ход общей мысли автора.

Итак, **целью настоящего исследования** является изучение лингвистических и прагматических специфик интерпретации билингвем в языке перевода и поиск возможных факторов, обуславливающих выбор определенной стратегии перевода билингвем. Для проведения исследования использовались тексты, составившие известный сборник стихов выдающегося представителя американского романтизма Уолта Уитмена.

Заметим, что литература Соединенных Штатов Америки в XIX веке обладает исторически обусловленным национальным своеобразием. В 1830-е гг. возникает движение аболиционистов, в обществе, как и в литературной среде активно обсуждается расовый вопрос — так же, как и проблемы героики «пионерства» и освоения американских земель. На первый план выходит образ многонационального и полиязыкового сообщества, в котором отчетливо слышен и равноценен голос каждого человека [11, с. 422]. Исторические события, гуманистические идеи и течения того времени, в особенности идеи содружества народов и, соответственно, интеграции языков в едином языковом континууме — всё это нашло свое отражение, помимо

прочего, в языковых новациях книги Уитмена «Leaves of Grass» («Листья травы»), вышедшей в 1855 году.

В России сборник переводился неоднократно: первые русские переложения Уитмена были осуществлены в 1872 году И. С. Тургеневым, однако опубликованы лишь в 1899 году поэтом Тан-Богоразом (спустя 7 лет после смерти Уитмена). Далее последовали переводы Константина Бальмонта (1904–1908 гг.) и К. И. Чуковского (1935 г.) [5, с. 879]. Для настоящего исследования были выбраны канонические переводы К. И. Чуковского, поскольку именно они во многом заложили традицию русского перевода иноязычного свободного стиха.

В качестве основных лингвистических **методов** исследования задействованы комплексный структурно-семантический анализ, а также метод лингвистического описания с приемами интерпретации и систематики языковых фактов. Статистический анализ применяется для определения общего количества манифестаций иноязычия в поэтическом тексте, в то время как контрастивный анализ позволяет установить сам факт изменения лингвопрагматических интенций при сравнении текстового отражения билингвемы в англоязычных и соответствующих русскоязычных — переводных — текстах.

Материалом для исследования послужили англоязычные тексты поэтического сборника «Leaves of Grass» У. Уитмена и их русскоязычные переводы, осуществленные К. И. Чуковским. Проанализированный материал включает около 400 англоязычных поэтических текстов сборника с соответствующими переводами на русский язык.

Предмет исследования — лингвистические и прагматические характеристики билингвем в оригинальных поэтических текстах и их интерпретация в переводных русскоязычных версиях.

Результаты

Как показал анализ текстов на предмет выявления в них употребленных иноязычных (неадаптированных) единиц, всего в англоязычных и русскоязычных поэтических текстах было использовано 37 билингвем, которые могут быть разделены на три группы:

1. Билингвемы в английском тексте: в данной группе выделяется 9 билингвем, среди которых имеются французские и итальянские заимствования, а также иноязычные единицы из языка и жаргона коренных индейских племен северо-западных территорий современных США (см. табл.);

2. Билингвемы в русском тексте (в переводе): в данной группе насчитывается 15 билингвем, особенность которых заключается в сохранении именно английского иноязычия в русском переводе; иными словами, в языке оригинала данная единица не будет являться билингвемой, а в языке перевода будет расцениваться как иноязычная единица (см. табл.);

3. Билингвемы и в английском, и в русском — переводном — текстах: данную группу составляют 13 билингвем, представленные в основном, как и первая группа билингвем, французскими, итальянскими и индейскими заимствованиями (см. табл.).

БИЛИНГВЕМЫ В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ И РУССКОЯЗЫЧНЫХ —
 ПЕРЕВОДНЫХ — ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ У. УИТМЕНА

Билингвемы в английском тексте	Билингвемы в русском тексте	Билингвемы и в англ., и в русских текстах
1. Comrade (товарищ)	1. Hoosier (гужер)	1. En-Masse (отсутствие перевода в рус. тексте)
2. Rendezvous (встреча)	2. Badger (бэджэр)	2. Allons (отсутствие перевода в рус. тексте)
3. Eleves (ученики)	3. Buckeye (бэкай)	3. Ma femme (отсутствие перевода в рус. тексте)
4. Ambulanza (лазаретные фуры)	4. Yankee (янки)	4. Osceola (осцеола)
5. Vivas to (слава тем)	5. Ya-honk (я-хонк)	5. Squaw (скво)
6. Piazza (площадь)	6. Kanuck (канук)	6. Camerado (камерадо)
7. Cantatrice (певица)	7. Tuckahoe (токахо)	7. Chesapeake (чесапик)
8. Confronter (противник)	8. Omnibus (омнибус)	8. Paumanok (поманок)
9. Jour printer (чахлый наборщик)	9. Yankee clipper (клиппер)	9. Mecksitli (мекситли)
	10. Chattahoochee (Чаттахучи)	10. Mannahatta (манахата)
	11. Squatter (скваттер)	11. Gingham (гингэм)
	12. Katydid (кати-дид)	12. Adobie (адобэ)
	13. bush boy (бушбой)	13. Manito (манито)
	14. Qobu (кобу)	
	15. Altamahow (альтимахо)	

Выявленные билингвемы представляют собой слово или словосочетание и подразделяются на несколько групп в соответствии с реалиями, которые они обозначают:

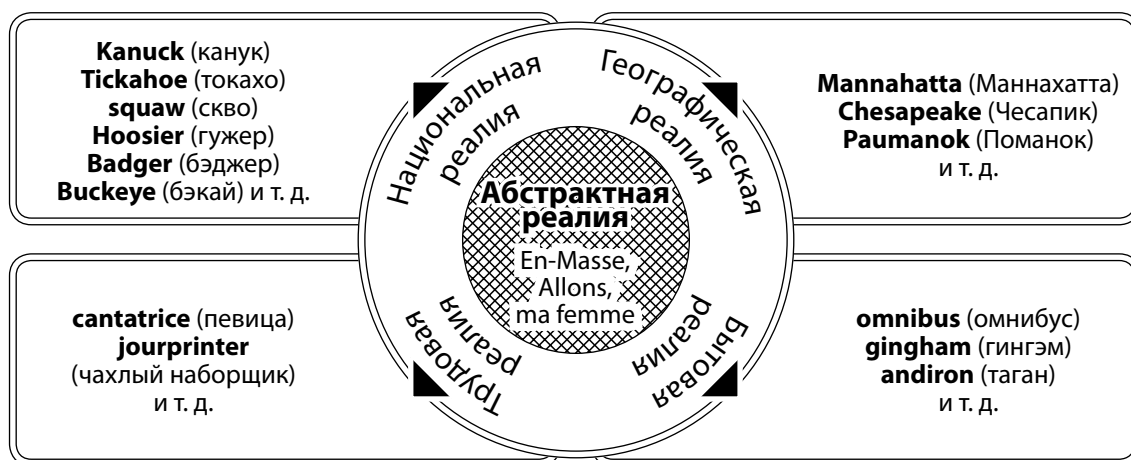
1. Билингвемы — именованья национальных реалий: к данной группе относятся все реалии, связанные с принадлежностью к определенной национальности: к примеру, *Kanuck* (канук), *Tuckahoe* (токахо), *squaw* (скво), *Hoosier* (гужер), *Badger* (бэджэр), *Buckeye* (бэкай), *quadroon girl* (девушка-квартиронка) и т. д. (см. рис.).

2. Билингвемы — именованья географических реалий: *Mannahatta* (Маннахатта), *Chesapeake* (Чесапик), *Paumanok* (Поманок) и т. п. (см. рис.).

3. Билингвемы — именованя трудовых реалий, т. е. профессий, орудий труда, общественных видов деятельности: к примеру, *cantatrice* (певица), *jour printer* (чахлый наборщик) и т. д. (см. рис.).

4. Билингвемы — именованя бытовых реалий: в этой группе — наименования предметов быта, транспорта, разного рода отношений и повседневных дел, социального статуса человека в обществе: *omnibus* (омнибус), *gingham* (гингэм), *andiron* (таган) и т. д. (см. рис.).

5. Билингвемы — именованя абстрактных понятий: *En-Masse*, *Allons*, *Ya-honk* (Я-хонк), *ma femme* (см. рис.).

Билингвемы в англоязычных и русскоязычных — переводных — поэтических текстах У. Уитмена

При более детальном анализе данных билингвем было установлено, что только три французские билингвемы сохраняют свой статус двуязычной единицы в языке перевода, т. е. сохраняют в русском языке свою лингвистическую форму в исконной алфавитной системе — латинице, в то время как остальные заменяются либо на форму, адаптированную метаграфически, т. е. путем перехода от латиницы к кириллице (данный способ перевода предполагает использование транскрипции и транслитерации), либо на эквивалент или т. н. мнимый синоним.

Далее рассмотрим несколько наиболее интересных случаев «переводческой игры» К. И. Чуковского при передаче билингвем в русских переводах:

“One’s-Self I sing, a simple separate person, Yet utter the word Democratic, the word En-Masse ” [8, с. 8]	«Одного я пою, всякую простую отдельную личность, И все же Демократическое слово твержу, слово « En-Masse » [8, с. 9]
“ Allons! whoever you are come travel with me!.. ” [8, с. 196]	« Allons! Кто бы ты ни был, выходи, и пойдем вдвоем!» [8, с. 197]
“For you these from me, O Democracy, to serve you ma femme! ” [8, с. 164]	«Это тебе от меня, Демократия, чтобы служить тебе, ma femme! » [8, с. 165]

1-й вариант переводческой интерпретации — сохранение исконной лингвистической формы билингвемы в языке перевода. Как уже упоминалось нами ранее, таких примеров в тексте сборника всего три — это заимствования из французского языка «*En-Masse*» (в стихотворении «One's-Self I Sing»), «*Allons!*» (в стихотворении «Song of the Open Road», песни 9, 10, 12, 13, 14, 15) и «*ma femme*» (в стихотворении «For You O Democracy!»).

В показанных случаях двуязычие сохраняется и на лингвистическом, и на прагматическом уровнях и наглядно демонстрирует связь с другим языком и для англоязычного, и для русскоязычного читателя в равной мере.

Психолингвистическими факторами такой интерпретации могут быть:

1. Обозначение абстрактного понятия (в примечаниях К. И. Чуковский дает буквальный перевод данных билингвем, кроме билингвемы «*ma femme*»: «*En-Masse*» значит «*вместе*» и «*Allons*» — «*идем!*»; обе билингвемы передают абстрактные понятия и действия, прагматическая нагрузка которых теряется при переводе на русский язык. Так, в данном случае мы можем выделить одним их психолингвистических факторов — желание переводчика вслед за автором выделить определенные концепты, обозначаемые билингвемами, в своем переводе).

2. Стремление переводчика вслед за автором показать связь с историческими событиями и реалиями другой страны (лозунги и призывы освободительного характера могут с помощью создания определенного ассоциативного ряда отсылать русскоязычного реципиента к событиям Великой французской революции 1789–1799 гг., приведшей к уничтожению абсолютной монархии и провозглашению Первой французской республики де-юре свободных и равных граждан под девизом «Свобода, равенство, братство»).

3. Документализация авторского повествования (данный психолингвистический фактор апеллирует к желанию переводчика вслед за автором придать некие персонализированные черты дневника, в котором могут найти свое место комментарии автора или оказаться заявленными авторское отношение или оценка) [6, с. 92].

4. Необходимость и неизбежность цитирования (билингвемы оказываются наделенными достаточно сложным набором ассоциаций, актуальных для того, «из чьих уст» они звучат) [6, с. 92].

5. Переводческий идиостиль К. И. Чуковского, основанный, с одной стороны, на принадлежности переводчика к определенной литературной и переводческой школе и направлению, а с другой — на индивидуально эстетических установках автора.

2-й вариант переводческой интерпретации — частичная трансформация метаграфической лингвистической формы билингвемы в языке перевода. Данный вариант переводческой интерпретации рассмотрим на примере словосочетания «*Yankee clipper*» (в стихотворении «Song of Myself», песнь 10):

“ <i>The Yankee clipper is under her sky-sails, she cuts the sparkle and scud...</i> ” [8, с. 38]	« <i>Клиппер</i> несется на раздутых марселях, мечет искры и брызги...» [8, с. 39]
---	--

К. И. Чуковский опускает лексическую единицу «*Yankee*», при этом транслитерирует единицу «*clipper*». Лингвистическое двуязычие сохранено (метаграфическая форма «*клиппер*» отсылает нас к именованию иноязычной реалии; если бы переводчик заменил данную билингвему эквивалентом «парусное торговое или военное судно» или существующим в русскоязычной лингвокультуре термином «клипер», то билингвема утратила бы свою двуязычную природу на лингвистическом уровне). Однако возникает вопрос — изменяется ли прагматический потенциал данной билингвемы, если переводчик намеренно опускает лексическую единицу?

Взгляд на данный феномен под этимологическим углом зрения указывает на то, что русскому реципиенту словосочетание «*Yankee clipper*» может быть известно в двух основных значениях:

1. Клипер (от англ. *clipper* «стригущий») — быстроходное торговое судно или военное судно в Северной Америке XIX и XX века с развитым парусным вооружением и особыми «режущими воду» обводами корпуса [10];

2. Название пассажирского поезда между Нью-Йорк Сити и Бостоном [2, с. 272].

Если для определения реалии, обозначаемой билингвемой, англоязычному реципиенту на лингвистическом уровне «помогает» местоимение женского рода «*she*», которым в англоязычной традиции принято именовать лодки и корабли, то для русского реципиента такое определение может быть осуществлено только на чисто лексическом уровне с помощью использования переводчиком лексических единиц, относящихся к морскому семантическому полю (семантическое поле навигации). Для того, чтобы на прагматическом уровне убрать возможное «смещение значений», переводчик решает опустить одну лексическую единицу и отразить в переводе лишь транслитерируемую форму «*клиппер*». Таким образом, психолингвистическим фактором частичной трансформации метаграфической лингвистической формы билингвемы является желание переводчика исключить неверное восприятие инокультурной реалии.

3-й вариант переводческой интерпретации — замена в переводе исконной лингвистической формы билингвемы на метаграфическую или на эквивалент. Данный вариант переводческой интерпретации можно наглядно проследить на примере передачи французского слова «*chef-d'oeuvre*» (в стихотворении «*Song of Myself*», песнь 31) и индейского понятия «*squaw*» (в стихотворении «*The Sleepers*»):

“ <i>And the tree-toad is a chef-d'oeuvre for the highest...</i> ” [8, с. 82]	«И что древесная лягушка — шедевр, выше которого нет...» [8, с. 83]
“ <i>A red squaw came one breakfast-time to the old homestead...</i> ” [8, с. 342]	«К старому дому ранним утром пришла краснокожая скво...» [8, с. 343]

В первом случае переводчик заменяет билингвему эквивалентом (франц. «*chef-d'oeuvre*» становится рус. «шедевр»). Такая трансформация приводит к полной утрате двуязычия в языке перевода, поскольку лексическая единица больше не имеет никаких лингвистических и прагматических связей с исконным языком (франц.), хотя в языке оригинала (англ.) указанные связи вполне ощутимы.

Во втором примере К. И. Чуковский также заменяет индейское слово «*squaw*» эквивалентом — транскрипционной формой «*скво*»; однако, в отличие от предыдущего случая, двуязычие теперь сохраняется на прагматическом уровне за счет использования безэквивалентной лексики, термина, и утрачивается на лингвистическом уровне (т. е. используется метаграфическая лингвистическая форма). В результате билингвема в русском — переводном — тексте «сближается» на прагматическом уровне с индейским и английским языками, а на лингвистическом — с русским языком за счет адаптированной метаграфической формы.

На данном этапе представляется возможным и целесообразным выделить следующие психолингвистические факторы, влияющие на выбор стратегии текстового продуцирования в переводе:

1. Ориентация интерпретатора на русскоязычного реципиента (попутно отметим, что поэтические тексты сборника «*Leaves of Grass*» У. Уитмена создавались в то время, когда в Америке наблюдался бум галломании [12, с. 423]; в России же мода «на всё французское» резко идет на убыль после Отечественной войны 1812 г. Соответственно, ко времени появления переводов К. И. Чуковского в 1935 г. русское лингвокультурное сообщество уже в целом освободилось от феномена галломании, поэтому данный экстралингвистический фактор приводит к резкому падению уровня знания французского языка в русскоязычном социуме. Как результат, — адаптация французской билингвемы видится необходимой для понимания общего смысла текста.

2. Распространение эквивалента в языке перевода (данный фактор объясняется тем, что в русском языке, например, слово «*скво*» могло быть в то время более распространенным и известным, чем билингвема в исконной алфавитной системе).

3. Игра с двойными смыслами и коннотациями (к примеру, гораздо позднее, в молодежном жаргоне 1960–1970-х годов, «*скво*» означало постоянную подругу, женщину; жену — возможно, под влиянием потока переводов американской литературы на русский язык, в частности, рассказов Э. Хемингуэя; таким образом, здесь можно наблюдать добавление «осовремененной коннотации» к первоначальному значению единицы).

4. Переводческий идиостиль К. И. Чуковского и его специфики.

4-й вариант переводческой интерпретации — создание «переводческой билингвемы». В этом случае переводчик сам создает билингвему метаграфически, причем такая единица становится билингвемой только в языке перевода и, возможно, в языке текста, не выходя за эти пределы.

Таким примером является фонетическая билингвема «*Ya-honk*» (в стихотворении «*Song of Myself*», песнь 14).

*“The wild gander leads his flock
through the cool night,
Ya-honk he says, and sounds it down to me
like an invitation...”* [8, с. 46]

*«Дикий гусь ведет свою стаю
сквозь холодную ночь,
«Я-хонк!» — говорит он,
и это звучит для меня как призыв...»*
[8, с. 47]

В переводе К. И. Чуковского транскрибированная и, одновременно, транслитерированная билингвема становится метаграфической формой «Я-хонк». Так переводчик превращает звукоподражание в неадаптированное (на прагматическом уровне) иноязычие, что вносит определенный колорит в поэтический перевод.

Факторами сохранения прагматического двуязычия могут выступать:

1. Стремление переводчика отразить местный колорит (демонстрация в тексте перевода особенностей инокультурной среды, создание «атмосферы»);

2. Необходимость цитирования (желание переводчика отразить особый «уитменовский концепт» — так, встреча поэта с «диким гусаком» и есть «гусь» в переносном смысле этого слова («гусать» значит «долго смотреть», «вытягивать шею, как гусь, чтобы оглядеться вокруг»). Автор — герой стихотворения — смотрит на гусака и «переводит» его крик в алфавитную систему поэтической речи. Звукоподражание здесь является текстовым отражением благоговения Уитмена перед миром природы, окружающим его, миром растений и животных, который учит нас видеть и, как в случае с «гусаком», говорить о том, как мы видим;

3. Обозначение абстрактной реалии;

4. Переводческий идиостиль К. И. Чуковского и его специфики.

Обсуждение

Рассмотренные факторы (по большей части) психологической природы обладают определенной динамикой и позволяют вынести на обсуждение следующие положения:

Билингвему при переводе следует рассматривать как минимальную внеуровневую единицу выражения и создания двуязычия в художественном тексте, которая в языке перевода может либо сохранить свою исконную алфавитную форму, либо заменяться на «новую», метаграфическую.

1. Замена билингвемы эквивалентом или синонимом приводит к утрате двуязычия в языке перевода и уничтожает факт билингвизации художественного текста.

2. Факторами сохранения исконной формы билингвемы могут выступать: 1) желание интерпретатора показать местный колорит, связь с историческими событиями и реалиями другой нации и т. д.; 2) документализация авторского повествования; 3) неизбежность цитирования; 4) обозначение абстрактных понятий; 5) переводческий идиостиль.

3. Факторами замены на метаграфическую форму билингвемы могут выступать: 1) ориентированность на русского реципиента (его знание языка, в частности, исконных эквивалентов билингвем); 2) желание переводчика исключить неверное восприятие инокультурной реалии; 3) игра с двойными смыслами и коннотациями; 4) переводческий идиостиль.

4. Переводчик может частично трансформировать имеющиеся в оригинальном тексте билингвемы и создавать собственные «переводческие билингвемы», которые могут и не выступать билингвемами в языке оригинала и в интерпретациях других переводчиков, но являться таковыми исключительно в данном переводе.

В сложившейся языковой в современном мире ситуации глобального билингвизма видится возможным развитие общей тенденции к большему числу

межъязыковых проникновений как в языке оригинала, так и в языке перевода из близкородственных и не близкородственных контактирующих языков, что со временем приведет к тому, что большинство билингвем по причине частоты употребления будут адаптированы, ассимилированы и перейдут в нормативный словарь принимающего языка. Выскажем предположение, что существенное влияние на данный процесс окажет переводная художественная литература.

Заключение

Итак, важным фактором адаптации билингвем в языке перевода является нахождение всех трех участников «текстового общения» — автора, реципиента, переводчика — на едином социальном, культурном, временном и понятийном уровне, обуславливающее адекватную адаптацию лингвопрагматических интенций иноязычной единицы с учетом различий и особенностей лексического, грамматического и звукового строя двух языков (в нашем случае английского и русского). Идиостиль языковой личности переводчика проявляется в выборе оптимальных для данной билингвемы стратегий и способов перевода и, как результат, в умении создать эквивалентную поэтическую форму в языке перевода.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агаджанян, А. А. Русскоязычные аспекты переводческой деятельности К. И. Чуковского как языковой личности: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / А. А. Агаджанян. — Пятигорск, 2017. — 30 с.
2. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. — Москва: Едиториал УРСС, 2005. — 571 с.
3. Влахов, С. Непереводимое в переводе / С. Влахов, С. Флорин. — Москва, 1980. — С. 16.
4. Гадамер, Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики/перевод с немецкого; общ. ред. и вступ. ст. Б. Н. Бессонова. — Москва : Прогресс, 1988. — 704 с.
5. Логинов, А. Л. У. Уитмен в русскоязычных переводах / А. Л. Логинов. — Нижегородский госуниверситет им. Н. И. Лобачевского, 2010. — С. 879–882.
6. Николаев, С. Г. Лингвистическая реалья и неадаптированное иноязычие: объект и способ его отражения в структуре поэтического текста / С. Г. Николаев // Вестник Новгородского государственного ун-та. — Сер. 10. Гуманитарные науки. — 2005. — № 33. — С. 89–95.
7. Николаев, С. Г. Роль и место переводчика в условиях современной межкультурной коммуникации: к статусу «второго творца» художественного текста // Языковая система и речевая деятельность: лингвокультурологический и прагматический аспекты. Вып. II: материалы международной научной конференции. — Ростов-на-Дону : НМЦ «Логос», 2007. — С. 240–247.
8. Уитмен, У. Листья травы: пер. с англ. К. Чуковского. — На англ. и рус. яз. / У. Уитмен. — Москва : Текст, 2018. — 365 с.
9. Холмс, Дж. С. Будущее теории перевода. Несколько тезисов // Художественный перевод. Вопросы теории и практики: сб статей. — Ереван : Изд-во Ереванского ун-та, 1982.

10. Чудинов, А. Н. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка / А. Н. Чудинов. — Режим доступа: URL: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/foreign-words-chudinov/index.htm> (дата обращения: 20.05.2022). — Текст электронный.
11. Leonard, D. The Art of Walt Whitman's French in «Song of Myself» / D. Leonard. — St. Peter: Gustavus Adolphus College, 1986. — Pp. 24–27.
12. Pound, L. Walt Whitman and the French Language / L. Pound // American Speech. — 1926. — Vol. 1; № 8. — Lincoln: Duke University Press, 1926. — Pp. 421–430.
13. Snell-Hornby, M. Einleitung // Snell-Hornby, M. Übersetzungswissenschaft — eine Neuorientierung. — Tübingen, 1986.

Nikolaev S. G.

*Doctor of Philological Sciences, Professor, Head of Department of English Philology
at Institute of Philology, Journalism, and Cross-Cultural Communication,
Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia*

Vedernikova V. D.

*Student at Institute of Philology, Journalism, and Cross-Cultural Communication,
Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia*

PRAGMALINGUISTIC POTENTIALITIES OF BILINGUEMES IN A POETIC TEXT (“LEAVES
OF GRASS” BY WALT WHITMAN AND “LISTYA TRAVY” RENDERED BY K. I. CHUKOVSKY)

Abstract. This article deals with the problem of preservation of the pragmalinguistic potentialities of bilinguemes in an interpretation by the translator's linguistic personality in the target language. The aim of the study is to analyze psycholinguistic factors that cause the use of translation transformations in the adaptation of bilingualism in a different linguistic and cultural reality and allow us to assert the presence of a unique translator's idiosyncrasy in the text space.

Key words: bilingueme; pragmalinguistic potentiality; psycholinguistic factors of interpretation; target language.

УДК 81'255

DOI 10.55346/27825647_2023_1_59

Шнейдер А. А.

студентка,

Донской государственной технической университет,

г. Ростов-на-Дону, Россия

© 2023

Дата приема:

09.01.2023

К ВОПРОСУ О ТРУДНОСТЯХ ПЕРЕВОДА АНГЛИЙСКОГО ЮМОРА

В данной статье рассматриваются типы английского юмора, а также способы достижения их адекватного перевода на русский язык. В основу работы легли труды Л. В. Молчанова и С. А. Коновалова. Автор указывает на тот факт, что из-за наличия лингвистических, культурологических и экстралингвистических факторов возникают трудности при переводе текстов с юмористическим контентом с английского языка на русский. В статье рассматриваются различные типы юмора, в каждом из которых комизм на язык перевода передается особым образом. Кроме того, автором представлены эффективные методы перевода английских шуток на русский язык.

Ключевые слова: юмор; шутка; английский юмор; комический эффект; способ передачи; перевод.

Известно, что юмор играет одну из ключевых ролей в повседневном общении. Очевидно, что все люди в той или иной степени используют юмористическую компоненту как в вербальном, так и в невербальном взаимодействии, включая особенности поведения [3, с. 237]. Существует множество разнообразных стилистических приемов и лингвистических средств для передачи юмора в письменной речи.

Юмор является не только социокультурным феноменом, но и лингвокультурным. У специалиста, занимающегося переводом шуток с английского языка, может возникнуть немало специфических вопросов, так как сложности перевода в данном случае определяются наличием ряда культурологических, лингвистических и экстралингвистических факторов.

Если рассматривать юмор с лингвистической точки зрения, то можно обнаружить, что в произведениях комического жанра содержится весь спектр лингвостилистических средств создания эффекта шутки. Применительно к английскому юмору наличие экстралингвистических причин обуславливается особенностями менталитета самих британцев, которые часто с помощью юмора передают свое видение животрепещущих проблем окружающей их действительности.

Практика показывает, что превосходное владение английским языком далеко не всегда предполагает столь же развитое понимание английского чувства юмора, способность выполнять перевод юмористических текстов максимально близко к их исходному содержанию, выдерживая при этом художественный колорит изначального произведения, учитывая своеобразие языковых изобразительно-выразительных средств автора базового текста.

В лингвистике юмор принято разделять на три типа, соответственно способу передачи комического эффекта на язык перевода:

1) **основанный на элементе первичной культуры** (комический эффект вырастает на культурной почве исходного языка). Во время перевода языковых конструкций, построенных с учетом данного типа юмора, на любой другой язык возникает довольно много проблем, так как в языке перевода могут отсутствовать аналогичные (по форме и смыслу) конструкции;

2) **универсальный** (юмор, который понятен представителю любой национально-культурной общности, так как такой юмор основывается на общечеловеческих универсалиях и понятиях-концептах, — у любого человека наличие комизма в ситуации вызывает соответствующую реакцию. Во время перевода данного типа юмора значительных сложностей обычно не возникает;

3) **лингвистический** (основой шутки выступает игра слов, которую порой очень трудно передать переводчику, особенно, если его уровень владения языком исходного текста невысок.

Что касается аспекта, связанного с культурной составляющей, то С. А. Коновалова определяет в этой связи три допустимых способа передачи на другой язык текстов юмористического характера, содержащих культурные реалии или основанных на игре слов:

— исключение шутки из перевода (в некоторых случаях это вполне оправдано);

— буквальный перевод шутки с сохранением исходной информации, но потерей комического элемента;

— адаптация шутки в языке перевода [1, с. 38].

Следует помнить, что при переводе шуток не следует употреблять метод описательного перевода и перевода с комментарием, так как такой подход разрушает комизм, который, как правило, построен на конкретных лексемах и их взаимосвязи в рамках цельной грамматической конструкции. Так, Л. В. Молчанова предлагает особые примеры передачи британской шутки на русский язык в литературных произведениях:

1. Перевод-изложение, основанный на вольной передаче, с которым общее содержание оригинала передается на другой язык независимо от формы оригинала.

Например: *The general opinion of the assembled citizens could have been summed up as «We all have to go sometime» and «What the Lord gives, the Lord takes back».* (Общее мнение собравшихся горожан сводилось к тому, что «все там будем» и что бог дал, то бог и взял).

2. Денотативные преобразования.

Например: «*Go to the devil*» (Да пошёл ты к чёрту).

3. Генерализация.

Например: *You mean he'd say why shouldn't a fellow walk about on his hands, if he wants to? Saves shoe leather, and so forth?* (То есть он заявит, что человек имеет полное право ходить на руках, если ему так больше нравится? Не надо тратиться на башмаки, и так далее). В данном примере перевод выражения «*saves shoe leather*» как «не надо тратиться на башмаки» является уместным в юмористическом контексте.

4. Конкретизация.

Например: «*Perhaps you'd also like the key of the apartment where the money is...*» (Может быть, тебе дать ещё ключ от квартиры, где деньги лежат...).

5. Дефразеологизация и фразеологизация.

Например: *We'll be wearing cambric footcloths and eating Margo cream.* (Батистовые портянки будем носить, крем Марго кушать).

6. Изменение типа предложения и порядка слов.

Например: *The biconcave lenses of his pince-nez flashed white like searchlights. The young couple stood in awe.* (Двокожогнутые стекла его пенсне пучились белым проекторным светом. Молодые стояли, как барашки) [2, с. 103].

Подводя итог, можно сказать, что каждый раз при переводе текста с выраженным юмористическим началом перед переводчиком встает проблема выбора способа перевода, которая обусловлена контекстным окружением, а также разного рода языковыми факторами. Также следует помнить, что не существует единого, универсального способа передачи шуток на язык перевода, однако наибольшего успеха достигает переводчик в том случае, если ему удастся создать собственный вариант игры слов, соответствующий языковой технике, использованной автором исходного текста. Кроме того, чтобы перевод шуток был близок к оригиналу, необходимо постоянно следить за эволюцией языка, развитием его изобразительно-выразительного инструментария (включая тропы, фигуры речи, идиоматику, а также наиболее востребованные приемы для передачи комического эффекта — к примеру, такие как каламбур).

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Коновалова, С. А. Английский юмор как образец сарказма и иронии / С. А. Коновалова. — Краснодар : Краснодарский технический колледж, 2007. — 45 с. — ISSN 2073–4972.
2. Молчанова, Л. В. Юмор и перевод: к проблеме адаптации юмористического текста к иноязычной культуре / Л. В. Молчанова // Вестник Череповецкого государственного университета. Вып. 4. — Череповец: ЧГУ, 2014. — С. 101–104. — ISSN 1994–0637.
3. Schwarz, J. Linguistic Aspects of Verbal Humor in Stand-up Comedy / J. Schwarz // D. Sc. Thesis. Saarbrücken, Saarland University, 2010. — 520 p.

Shneider A. A.

student, Don State Technical University (DSTU), Rostov-on-Don, Russia

THE PROBLEM OF THE DIFFICULTIES OF TRANSLATING ENGLISH HUMOR

This article discusses the types of English humour, as well as the ways of achieving an adequate translation into Russian. The article is based on theoretical works of such scientists as L. V. Molchanov and S.A. Konovalov. It was found out that due to the presence of linguistic, cultural and extralinguistic factors, difficulties arise during translation from one language into another one. In the article various groups of humor have been mentioned, since according to its types, the comic effect differs in the ways of translation to the target language. In particular, effective methods of translating English jokes into Russian have been suggested.

Key words: humour; joke; English humor; comic effect; method of transmission; translation.

СТУДЕНЧЕСКИЙ КОНКУРС К СТОЛЕТИЮ УЧРЕЖДЕНИЯ ВЕРХОВНОГО СУДА РФ

23 декабря 2022 года в Сочинском филиале Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) состоялся конкурс на лучшее реферирование научных статей, который уже второй год подряд проводится в формате, получившем название «Новогодние юридические чтения».

Нынешнее мероприятие было приурочено к столетию Верховного Суда Российской Федерации, поэтому открыло его выступление студентки 3-го курса *Алины Соколовой*, посвященное истории создания и становления высшей судебной инстанции России.

Инициатором конкурса по традиции выступил профессорско-преподавательский состав кафедры уголовно-правовых дисциплин. Ориентирован конкурс на студентов 3–4-х курсов очной формы обучения. Его цель — углубление знаний студентов по учебным дисциплинам, преподаваемым на кафедре, а также актуализация основных проблем правоприменения в отечественной уголовно-правовой сфере.

Жюри оценивало, в том числе, ораторское мастерство участников, умение выразительно и ёмко передать содержание реферируемых научных материалов, которые были подобраны преподавателями кафедры и отражали весь спектр острых тем в области уголовного права и процесса, криминалистики и криминологии.

Победителем Чтений стала студентка 4-го курса *Анастасия Лукьянова*. Победительница Конкурса, по мнению жюри, лучше остальных донесла позицию *Г. А. Есакова*, представленную им в статье «К концепции единых служебных преступлений» (опубликованной в журнале «Закон», в 2022 году). Второе место присуждено студентке 3-го курса *Милане Кайтуковой*, а третья ступень пьедестала почета досталась студентке 3-го курса *Еве Орманджян*.

*А. Н. Ратков, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин
Сочинского филиала Всероссийского государственного университета юстиции
(РПА Минюста России), к. ю. н., доцент*

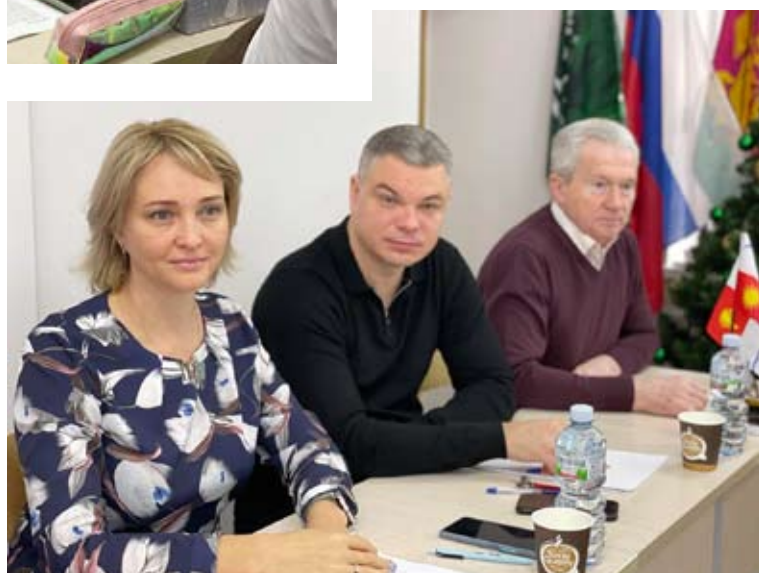

Фото на память со строгим жюри конкурса

Услуги, предоставляемые редакцией на платной основе (по запросу автора)

- обработка статьи в соответствии с редакционными требованиями (включая подбор УДК);
- редакторские услуги (литературная правка текста статьи);
- корректорская вычитка текста статьи;
- приведение библиографического списка статьи в соответствие с действующими издательскими стандартами;
- подготовка аннотации, ключевых слов, оформление титульной страницы статьи на русском и английском языках;
- текст рецензии на статью в электронном виде;
- авторское свидетельство о публикации статьи;
- печатный экземпляр издания.

Адрес редакции:

344002, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 52–56, пом. 22.

Тел.: 8 (863) 241-37-43, 246-08-68.

E-mail: sputnik-nauki@yandex.ru, <https://sputnik-nauki.ru>

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Регистрационный номер: Эл №ФС77-81697 от 19.08.2021 г.

ISSN 2782-5647. Выходит ежеквартально.

Главный редактор — Д. В. Нефёдов.

Корректор — П. В. Багров.

Дизайн-модель издания — © Д. В. Нефёдов

Верстка — издательство «Профпресслит», www.profpreslit.ru

Отпечатано в редакционно-издательском комплексе «Профпресслит».

Сдано в набор 24.01.2023. Подписано в печать 27.01.2023. Формат 64x80/8.

Бумага офсетная. Печать цифровая. Гарнитура Minion Pro.

Усл. печ. л. 8,2. Тираж 100 экз.

Любая перепечатка материалов допускается только с разрешения редакции.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов публикаций